

АНДРЕЙ АСТАХОВ

# ВОИН ИЗ ЗА КРУГА



Лаэда

Андрей Астахов

**Воин из-за круга**

«Лениздат»

2008

## **Астахов А.**

Воин из-за круга / А. Астахов — «Лениздат», 2008 — (Лаэда)

Законный император жив, и возрожденный дракон вернулся в мир, где когда-то жили его предки. Подходит время решающей битвы, близок час, о котором говорили старинные колдовские книги – час гибели Лаэды. Зло умножает силы, и скоро его мощь станет неодолимой. Надвигается война, которая откроет Ворота Тьмы. Лишь русский юноша, пришедший в этот мир из-за круга вместе с избранными, может противостоять нашествию Тьмы. Ведь его враг тоже пересек круг, и поединок, в котором они должны встретиться, решит судьбы сразу двух миров, Новгородской Руси и Лаэды, стоящих на краю пропасти.

© Астахов А., 2008

© Лениздат, 2008

## Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	25
Глава третья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

## Андрей Астахов

### Воин из-за круга

*Посвящается моей матери, Галине Аршаковне Баласаньянц – женщине, которая навсегда останется для меня воплощением Света и Добра.*

*Спи спокойно, мама!*

## Пролог

### Чудское озеро, 5 апреля 1242 г

Сначала был звук – чистый, холодный, мелодичный, похожий на звон инея в морозном воздухе. Ратислав даже не понял, что это за сигнал. Прочие воины псковского ополчения, сидевшие у костров, встрепнулись, обратили глаза на восток, к темной полосе леса, черневшей далеко за берегом. И всем без лишних разговоров стало ясно, что это такое.

– Не замерз, паря? – Сотник Прокоп вынырнул из-за спин воинов, столпившихся на берегу, заглянул Ратиславу в лицо. – Гости долгожданные идут, о своем прибытии сообщают – мол, готовьте мечи да копья, чтобы привечать нас как следует.

– Ливонцы?

– Они. Не боишься?

– А чего бояться? – Ратислав поправил волчью шапку, сбившуюся на глаза. – Рогатина у меня есть, возьму на нее ливонского зверя.

– Храбер больно, паря, – буркнул Прокоп, но глаза его потеплели. – Ну давай, становись в строй. Может, и будет тебе сегодня счастье.

– Я... ты ведь помнишь, что мне обещал, дядя Прокоп, – сказал Ратислав, невольно взяв старого воина за рукав. – Маленьке моей скажешь, что и как, если меня... ну, знаешь, о чем я.

– Скажу, – произнес Прокоп серьезно и торжественно. – И свечку за твою душу поставлю, если что... А ну, мужики, становись! Пора за рогатины браться!

Ратислав замер на несколько мгновений в непонятном оцепенении. Что-то небывало холодное, похожее на прикосновение змеи, прошло по спине под рубахой, кожаным юшманом и полушубком – и это был не утренний мороз. Ничего похожего Ратислав прежде не испытывал. Возможно, это был страх. Встреча с ливонцами страшила всех – ведь, как говаривали люди бывалые, уже встречавшие ливонцев в бою, немецкие рыцари неуязвимы – поди, доберись до рыцарской шкуры, если панцирь из стали да под ним кольчуга до колен...

– Эй, православные, чего приуныли? – завопил какой-то балагур из сторонников. – Поморзились, не иначе! Медку бы сейчас по полведра на брата, а?

– Истинно! – оживились мужики. Часть из них уже была в строю, встав внешней стороной полумесяца к противоположному берегу, но большинство ратников нестройной толпой сбилось у кромки берега, у самой границы земли и льда.

Ратислав поискал глазами псковский стяг, нашел – черное полотнище с Богородицей вздымалось над головами людей совсем недалеко, саженьх в сорока от него. И тут опять ветер с озера донес звук рога. На этот раз его подхватили еще десятки рогов и боевых труб, и над озером сразу после этого повисла необычная тишина, напряженная и грозная.

– Сейчас пойдут! – крикнул кто-то.

Ратислав протиснулся между вставшими в ряды людьми поближе к хоругви. Здесь, среди плотного строя псковичей, он наконец-то почувствовал себя в безопасности. Озноб стал меньше, и даже противная сухость во рту куда-то пропала. Какое бы зло ни пришло с той сто-

роны озера, он не будет перед ним совсем беззащитен. Рядом с ним воины, которые защитят его. Ратислав бросал короткие взгляды по сторонам, пытаясь прочесть на лицах сторонников тревогу, страх или неуверенность. Псковичи были спокойны, если кто и испытывал страх, вида не показывал – будто звал их Прокоп рубить лес или добывать зверя, а не принять на копье ливонцев, закованных в железо.

Сам Прокоп уже был на коне, рослом рыжем битюге с длинной гривой и в татарской сбруе. Ратислав хорошо видел воеводу – он встал прямо возле псковской хоругви, в восьмой шеренге. А Прокоп объезжал строй, и в облике его не было заметно волнения.

– Дружнее, дружнее, мужики! – покрикивал Прокоп, уперев руку в бок и выпрямившись в седле. – Не то гости скоро явятся, а хозяева еще не приготовились привечать их. Гость, он хошь и незваный, а принять надобно как полагается у нас, у православных. Оно ведь как, плохо гостя встретишь-приветишь, он и обидится, худые слова про тебя говорить будет каждому встречному. Стал-быть, принять надобно так, чтобы некому было потом про нас рассказывать хулу, чтобы ни один не ушел! Бейте их, мужики, чтобы даже под своей железной шкуркой русскую руку почуяли! Злобой и кривдой дышит на нас рыцарство ливонское, чаёт нас холопьями своими сделать, в веру свою поганую обратить, над церквами нашими поругаться, баб наших повалить, над народом нашим поглумиться! Стал-быть, бейте их, пока дух в вас жив. А коль помрете, исполать вам, а у Бога – Царствие Небесное. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

– Аминь! – выдохнули мужики в один голос. И будто в ответ на этот единый возглас, с того берега снова затрубили рога.

– Гляди, вона они! – крикнул кто-то. – Идут, ей-бо, идут!

– Где? – Ратислав почувствовал, что в ногах снова появилась противная предательская слабость. – Где они?

– Да вон глянь туда, паря! – Крепкий мужик с плоским лицом схватил Ратислава за руку, развернул к озеру. – Вон они, ливонцы-то!

Поначалу Ратислав не увидел ничего – мешала морозная муть над озером, сливающаяся с серым тяжелым небом. А потом он увидел, что странные движущиеся ледяные глыбы или то, что казалось ему ледяными глыбами в черных полосах и пятнах, – это и есть они, ливонцы. Белая стена стала надвигаться с восточного берега, и лед загудел под копытами тяжелых, закованных в броню коней.

– Ой, Господи! – охнули за спиной Ратислава. – Вот она, смертушка!

Мужик рядом с Ратиславом выругался в бороду, выпрямился, вцепившись в древко своей рогатины. Сосед справа, парень, ненамного старше Ратислава, вдруг побледнел, да так, будто кровь из него разом выточили; глаза парня округлились, рот раскрылся. Кто-то за спиной, сбиваясь, читал молитву, но большинство окружающих Ратислава людей молчали и просто следили за приближающейся конной лавиной.

В этот момент Ратислав вспомнил о шолке. Когда они с Маленкой прощались, она повесила ему эту шолку на шею. Велела, коли будет великая опасность, держаться рукой за эту шолку и читать наговор, который заставила Ратислава заучить наизусть. Ратислав не смел отказаться, хоть и сказал однажды чудовоборский батюшка Варсонофий, что носить языческие обереги – великий грех. Шолку взял, а наговор забыл в первый же день. Теперь же, когда ливонский вал с лязгом и воем рогов пошел на ополченцев, Ратислав вдруг понял, что если любовь Маленки его не спасет, то не спасет уже ничто.

И еще он вспомнил о Липке. О всех чудовоборцах. О своей родне и даже о тех, кто его никогда не любил. Но о Липке была первая мысль. Ведь даже Маленка не заставила его о ней забыть. Да и по совести сказать – любит ли он Маленку? Или же хотел просто заставить себя забыть о другой?

Немцы приближались. Неясные ледяные призраки превратились в коней, покрытых белыми попонами, в тяжело вооруженных всадников в белых епанчах с разноцветными геральдическими знаками поверх доспехов, в диковинных шлемах горшком, с черными крестами на треугольных щитах. За конницей шла шеренгами пехота с длинными копьями и большими квадратными щитами, на флангах – кнехты и арбалетчики. В движении ливонского войска не было ни суеты, ни поспешности – только холодная уверенность в своей мощи, в том, что победа от них не ускользнет. Толстый лед озера потрескивал под поступью ливонцев, и Ратислав внезапно подумал – если Бог есть, то он разверзнет под немцами пучину и потопит всю эту стальную лавину в озере. Не должны они дойти до русских рядов! Не должны...

– Николай Угодник, заступниче наш, помощниче пресвятой, спаси и оборони нас! – Мужик слева так посмотрел на Ратислава, что юноше опять стало страшно. – Не устоим, как Бог свят, не устоим!

– Молчи! – одернули его. – И так тошно!

– Пошли!

Рог пропел сигнал к атаке. Торжественное и неспешное движение немцев прекратилось. Конница с флангов стала сдвигаться к центру, образуя клин с острием, нацеленным на русские ряды. Немцы перестраивались несколько минут, Ратиславу же показалось – целую вечность. А потом ливонский клин двинулся вперед, но уже не шагом, а рысью. Конница разогналась для удара.

– Держать строй! – закричал Прокоп, срывая голос. – Побежим, все до одного поляжем...

Сердце у Ратислава екнуло. По команде воеводы сторонники опустили свои рогатины, крючья, пики, совни, насаженные торчком косы, направляя их на приближающегося врага. А орденский клин уже перешел с рыси на галоп, от которого задрожала земля.

– Держать строй! Держа-а-а-ть!

Потом был грохот, будто в небе столкнулись две грозовые тучи. Ратислав смотрел и не верил своим глазам. Справа и слева от него белые всадники пробивались сквозь ряды псковичей, поражая их оружием и топча конями. Волосы на голове Ратислава встали дыбом под шапкой от звуков, которые раздавались со всех сторон. Не было в этих криках и воплях ничего человеческого, будто души в аду кричали от боли и страдания великого.

Фронт был прорван. Черная хоругвь с Богородицей лежала среди изрубленных, вопящих от боли, истекающих кровью людей. Рыцари растоптали шеренги псковитян, пошли на новгородское ополчение, стоявшее во второй линии. Мужик с плоским лицом продолжал призывать святого Николая, и взгляд его стал совсем страшным. А потом он упал с арбалетным бельтом в горле, и его кровь забрызгала Ратислава. Юноша попятился назад, споткнулся о чью-то ногу и упал.

Встать он не успел. Конный рыцарь в лазоревых доспехах ударил его копьем в тот момент, когда Ратислав поднялся на колени. Если бы Ратислав мог рассказать, о чем он подумал в последнее мгновение своей жизни, он бы сказал, что эта мысль была не о смерти. Не о страшной боли, разорвавшей его грудь. Не о том, что немцы прорвались, и князь Александр Ярославич уже ничего не сделает, чтобы спасти новгородское войско от разгрома. Это была мысль не о Маленке. Даже не о Липке.

Ратислав увидел на шлеме убившего его немца странное украшение. Белокурую женскую косу, прикрепленную к маковке шлема.

Это удивило Ратислава. И он еще сумел спросить себя – а почему ливонец носит эту косу на шлеме? Что это означает?

Найти ответ он уже не успел.

## Глава первая

*Вызывая светлый дух,  
пролей кровь скота,  
Вызывая светлый дух,  
пролей кровь скота.  
Трижды назови имя,  
вызывая светлый дух  
У алтаря,  
Ибо таков закон.  
Вызывая темный дух,  
подай кровь раба,  
Кровь раба подай, имя не назвав,  
Вдали от алтаря,  
Ибо грех твой велик.*

### *Шурские оккультные тексты «Этцу-Хатарим»*

До заката оставалось совсем недолго. Издалека раздался звон колокола, собирающий прихожан на службу в храм. Жара, иссушающая Гесперополис в последние дни, явно пошла на спад к радости горожан. Сегодня улицы будут полны народа, тем более что сегодняшняя щедрость императора основательно пополнила их карманы...

– Они уже здесь, – сказала Тасси.

Джел ди Оран давно ожидал услышать эти слова, но все равно вздрогнул. На огромной веранде дворца, где они с Тасси наслаждались обществом друг друга и теплом погожего летнего вечера, будто похолодало. Канцлер невольно посмотрел в ту сторону, куда был обращен взгляд девушки, но увидел только шпили церквей, скаты черепичных крыш и густую зелень деревьев между ними.

– Ты не ошибаешься? – спросил он.

– Я не могу ошибаться, – Тасси улыбнулась. – Ты сам прекрасно знаешь, то они уже прошли за *круг*. Этого следовало ожидать. Но ничего страшного не случилось. Пока не случилось.

– О чем ты?

– Силы равны, Джел. Дракон вернулся, но я знаю, что делать. Мы создадим своего дракона. Своего Стража.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – Джел изучающе посмотрел на блондинку. – В последнее время ты все чаще говоришь загадками.

– Время подходит, Джел. Скоро ты увидишь всю силу Заммека воочию. И никакой дракон этому не помешает.

– Ты с самого начала знала о драконе, ведь так?

– Знала, – Тасси с наслаждением отпила из бокала глоток венарриака, почмокала языком.

– Но мне не сказала? Почему?

– Потому что тебе не дано понять всего. Зачем пытаться понять, почему свет играет на гранях алмаза? Просто наслаждайся этой игрой, верно?

– Ты скрыла от меня правду.

– Не злись, любимый. Пусть тебя утешает мысль, что ты все равно ничего бы не смог сделать.

– Не злиться? Опасность слишком велика! Наши враги уже здесь. Они вернули дракона, и теперь наши планы под угрозой – под очень серьезной угрозой, Тасси! А мы медлим, ждем непонятно чего. Наш император занят только собственными увеселениями и собственным величием. Он целыми днями окружен своими архитекторами и мастерами, обсуждает с ними



проект храма в свою честь, а по вечерам он веселится, пьет, танцует, тискает своих наложниц и ничего не хочет слышать о государственных делах. Ему все равно, что происходит у нас на севере, ему наплевать, о чем шепчутся в самом Гесперополисе. Он слишком велик, чтобы заниматься такими пустяками!

– Я слышу иронию в твоих словах, Джел, – Тасси поднялась, подошла к канцлеру и, встав за спинкой его кресла, положила ладони на его плечи. – Ты слишком напряжен. Успокойся. Император делает все, что я захочу. Я слишком хороша в постели, чтобы мне можно было бы в чем-то отказать. Ты ведь знаешь, о чем я?

– Проклятье, ты ведешь себя, как распалившаяся девчонка!

– А я и есть девчонка, – Тасси тряхнула своей белокурой гривой, беззаботно рассмеялась. – С тех пор, как я живу в этом юном и прекрасном теле, я снова чувствую вкус бытия. И даже твое занудство, Джел, не способно омрачить моего счастья. Ты слишком боишься будущего. Ты считаешь, что наши враги сильнее нас. Может, ты и прав. Но разве все это так важно? Не лучше ли наслаждаться жизнью, пока есть такая возможность?

– Ты заговорила, как император. – с досадой сказал канцлер. – Жаль, что я не могу быть таким же беззаботным.

– Ты слишком сгущаешь краски. Да, дракон вернулся. Это плохо. Легат не справился с задачей. но кто мог предположить, что рядом с этими несчастными окажется особенный воин?

– Особенный?

– Я видела, как погиб Легат. Его смерть причинила мне ужасную боль, потому что в Легате жила часть моей Силы. Ты когда-нибудь привораживал женщину?

– Нет. Я учился. Мне не было дела до женщин.

– Ты поражаешь меня, Джел, – Тасси наклонилась к канцлеру, обдав его ароматом дорогих духов и молодого тела. – Если бы я не спала с тобой, то сказала бы, что ты евнух. Плохо, что ты не привораживал женщин. Тогда ты понял бы, какую адскую боль причиняет вложенная в магию Сила, если колдовство не достигло своей цели.

– Ты говорила о Легате. И об особенном воине, – поспешил сменить тему ди Оран.

– Говорила. – Тасси сделала еще глоток вина. – Тебе не кажется, что этот венарриак кисловат? Надо сказать дворецкому, чтобы заказал новую партию, а эту отправил в портовые кабаки или вылил в канаву.

– Это очень хороший венарриак, – заметил Джел. – Пятнадцатилетней выдержки. Давай о деле, милая.

– Об особенном воине? Хорошо. Что ты знаешь о Силе?

– Только то, что она есть.

– Немного. Тогда скажи, в чем моя Сила?

– Ты Аина ап-Аннос, Дева-из-Бездны. После этого ты спрашиваешь, в чем твоя Сила?

– Я говорю серьезно. – Тасси вновь села в кресло, задумалась на мгновение, словно хотела найти подходящие слова. – Я знаю о природе Силы много больше, чем ты. Если хочешь понять, в чем секрет Силы, надо всего лишь обратиться к очень простым и, на первый взгляд, незначительным вещам.

– Например?

– Например, к простым словам, которые мы говорим каждый день, хотя часто не знаем их первоначального значения. Что мы вкладываем в нашу фразу, когда говорим о каком-нибудь человеке: «Он не от мира сего»?

– Странный вопрос. Что мы имеем в виду? Что это странный человек. Непонятный окружающим. Человек, живущий не так, как все.

– И только лишь? А больше ничего не приходит в голову?

– Тасси...

– Странный человек, – сказала Тасси, пародируя манеру речи канцлера. – Непонятный человек. Так считаешь ты. А если это сильный человек?

– Ты хочешь сказать...

– Слова «не от мира сего» можно понимать иносказательно, Джел, – продолжала Тасси. – Но можно и буквально. Человек, попавший в этот мир каким-либо способом, либо специально посланный в него. Человек, наделенный особой Силой.

– Чепуха! – Джел презрительно поморщился. – У тебя разыгралась фантазия.

– Нет, Джел. Уж кому-кому, а мне это известно лучше, чем всем остальным. Ведь я когда-то давно была человеком. Завидное преимущество, если ты пытаешься понять природу Силы.

– Но как такое возможно?

– Некая Высшая Власть – назови ее как хочешь – выбирает одного из многих для того, чтобы осуществить свои планы. Назови это Предопределением, Предназначением, Судьбой: словом, называй, как хочешь – сути это не меняет. Поскольку высшие силы борются друг с другом, то они вовлекают в свою борьбу и простых смертных, если это им необходимо. Однако смертный человек слаб и ничтожен, поэтому ему необходимы особые способности. И тогда Высшая Власть наделяет человека такими способностями. Или, попросту говоря, Силой. Так в мир приходят великие герои или великие мудрецы.

– Это я знал. Я думал, ты собираешься мне открыть настоящую тайну.

– Ты зря иронизируешь, Джел. Помнишь, я говорила тебе, что меня мало заботят и сын императора Ялмара, и его сестрица? Это было правдой. Я знала о драконе. Я знала, кем рано или поздно станет тот, кого все считали принцем Даной. И меня такое превращение мало заботило. Дракон – всего лишь Страж. Он следит за мировым порядком, но не вмешивается в него. И знаешь, почему? В драконе есть и Добро, и Зло. Он слишком противоречив, чтобы встать раз и навсегда на одну сторону. Потому издревле драконы искали себе особых слуг – их называли воинами-драконами. В древности такими воинами часто становились исчезнувшие ныне скроллинги, воины Свитка. Такой воин должен был удерживать дракона от метаний между Добром и Злом. У самих драконов, по-видимому, на выбор не хватало ни мозгов, ни духу.

– Ты не любишь драконов, – усмехнулся Джел.

– Я их ненавижу. Драконы со своей магией Огня и Золота стояли у меня на пути еще в те времена, когда я была Аранией Стирбой. Их власть не позволяла мне добиться моих целей. Потом люди перебили драконов, и я смогла освободиться.

– Это я освободил тебя, если ты помнишь, – не без раздражения заметил канцлер.

– Ты невоспитан, любимый. Нельзя напоминать постоянно о своем благодеянии тому, кого ты однажды облагодетельствовал... Может, тебя разочарует то, что я тебе скажу, но ты никогда бы не снял с меня заклятие Алмазной Цепи, уцелей в нашем мире хоть один дракон. Равновесие Сил было бы слишком сильным, и я продолжала бы сходить с ума в пустоте Вирхейна.

– Значит, драконов вовремя уничтожили. Но теперь один из них вернулся.

– Он для нас пока неопасен. Я чувствую его силу и уверяю тебя – он еще слаб. Это ребенок. Ему кажется, что он могуч и непобедим, но перед Заммеком он ничто. Когда придет час исполнения пророчеств, ты сам это увидишь.

– Тогда мне непонятно твое беспокойство.

– Мои враги привели в этот мир того, кто убил Легата. А это мог сделать только очень необычный воин. Особенный воин.

– Воин не от мира сего?

– В самую точку, милый. – Тасси отпила еще глоток вина, придвинула к себе вазу с фруктами. – У этого пришельца дар, о котором он сам еще не подозревает.

– Какой же именно? Прости меня, но в последнее время ты стала изъясняться уж слишком витиевато. В тебе слишком многое осталось от актрисы Тасси, моя любовь!

– У него дар убивать, Джел, – с мрачной улыбкой произнесла блондинка. – И он пришел в наш мир, чтобы быть заодно с нашими врагами. Я бы не беспокоилась о нем, если бы не гибель Легата. Одолеть такого воина не под силу никому из смертных, кроме воина из-за круга.

– Ты его боишься? Только скажи честно.

– Боюсь. И ты должен его бояться. Он опасен. Он опаснее пяти драконов и десяти шлюх, претендующих на престол Лаэды только потому, что в их жилы попала кровь дома Лоэрика. Нам придется сразиться с ним. Найти того, кто сможет его остановить.

– Ага, значит, его все-таки можно остановить! – Джел рассмеялся. – И остановишь его ты, так?

– Да, я, – Тасси запустила руки в свои роскошные волосы, потянувшись в кресле с протяжным зевком, будто затеянный ею самый разговор ей уже невыносимо наскучил. – Я видела его возможное будущее в том мире, из которого он пришел. Он был убит в сражении. Значит, в том мире есть другой воин, наделенный таким же даром, как наш враг. Это надо использовать, Джел. Это способ остановить нашего врага. И я его остановлю. Я приведу сюда воина, убившего его. Потому что я непобедима. Чтобы меня убить, мало умения убивать. Нужно знание. А этого у нашего пришельца нет. Он всего лишь неотесанный мужлан, которого судьба занесла за круг. Он неопасен, если только...

– Если что? – Канцлеру не понравилось выражение лица собеседницы.

– Если знание не попадет к нему случайно, непредвиденно. Поэтому нам следует спешить. Пора открыть Вторые врата. Завтра для этого самый подходящий день. Лунное затмение.

Джел ди Оран кивнул, но лицо у него вдруг начало гореть. Он понял, что имела в виду его страшная союзница. И в ее словах звучало предупреждение. Ведь знание, о котором она говорит, есть только у него – единственного мага, прочитавшего полный текст Книги Заммека. Неужели она перестала ему доверять?

Тасси начала медленно и с явным наслаждением есть фрукты, разрезая их серебряным ножиком на маленькие дольки и отправляя в рот. Канцлер стоял и ждал. Он решил, что их разговор еще не окончен, и не ошибся.

– Я совсем забыла, – сказала Тасси, словно спохватившись. – Ты говорил что-то о беспорядках на севере.

– Пустяки, милая. В Венадуре наемники-волахи перебили наших приставов и освободили изменников-еретиков.

– Это не пустяки, – глаза Тасси загорелись. – Это хороший повод для войны. Хэнш так и не успокоился, значит, следует послать туда войска. Позаботься об этом, Джел. Император послушает тебя и подпишет манифест о начале войны.

И снова Джел согласно кивнул, хотя понимал, к чему клонит Тасси. Возвращенных становится все больше и больше. Им необходима жизненная сила, а ничто не насытит их так полно и быстро, как большая война, когда страха, боли и страдания будет с избытком...

– Хорошо, – сказал он. – Я скажу императору.

– А я позабочусь, чтобы он тебе не отказал, – со смехом сказала Тасси. – Он в последнее время желает проводить ночи только со мной. Бедный юноша, он совсем потерял голову! И не беспокойся об этом пришельце, воине из-за круга. Я найду нового бойца. И уверяю тебя, победить его будет труднее, чем Легата.

– Пока это всего лишь обещания.

– Обещания? – Тасси искоса глянула на канцлера. – Возможно. Но я всегда выполняю свои обещания. Поэтому пора переходить к делу. Сегодня за два часа до полночи будь в дворцовом книгохранилище. Мне понадобятся кое-какие старые рукописи. И найди мне шлюху помоложе и посвежее. Таковую, которой потом не хватятся. Сегодня мы вместе откроем Вторые врата и начнем нашу войну. Настоящую, такую, какую следовало бы начать еще вчера.

Йол-Толстяк был доволен. До закрытия корчмы еще далеко, а заработал он столько, что минувший день можно считать очень удачным. Хотя объяснение всему простое – сегодня Божественный раздавал народу деньги. Так что все окрестные пьянчуги сегодня побывали у Йола. Некоторые из этих скотов набрались так, что свалились прямо за дверями корчмы и их пришлось оттащить, чтобы вход не загораживали. Но это так, мелочи, издержки. С этим можно примириться, когда монеты так и летят с ласкающим сердце звоном на стойку. Побольше бы таких дней, и мечта стать наконец-то богатым и уважаемым человеком перестанет быть просто мечтой. Разве только ноги гудят – сегодня Йолу и всей его многочисленной семье пришлось побегать по корчме, разнося по столам питье и еду. Вот и сейчас, в корчме не протолкнуться, а эта глупая девчонка куда-то снова запропастилась.

– Брен! – позвал трактирщик, сбрасывая медяки со стойки в глиняную миску.

Подавальщиц и вышибал Йол у себя в заведении не держал; прислужой в «Райском уголке» работала многочисленная семья Йола – только так все заработанные деньги могли остаться в руках Толстяка. Здоровенный Брен, старший сын Йола, услышав зов отца, тут же отошел от стола, за которым группа солдат городской стражи азартно метала кости.

– Отец?

– Ты знаешь, куда Шалла подевалась?

– Не, – Брен почесал бороду. – Верно, опять пошла энтот слушать, поэт который.

– Чума на мою голову! – Йол в ярости хлопнул своей огромной пятерней по стойке, так что медяки подпрыгнули. – Сучка! Я ей покажу «поэт»! Ноги оторву! Полный дом народу, а она где-то шляется.

– А что, отец, молодчик-то энтот вроде как при деньгах, богатый, – с ухмылкой сказал Брен, – видать, из знатных. Глядишь и обломится чего нашей дуре. Бараклишко-золотишко ей прикупит, домик какой-никакой...

– Молчать! – Физиономия Йола приобрела свекольный оттенок. – А ну найди ее, дрянью эту! И побыстрее, гости ждут. Я что, сам буду вино разносить по столам?

Брен, продолжая криво ухмыляться, отошел от стойки. Трактирщик проводил его взглядом; убедившись, что сын не вернулся к столу с игроками, вновь занялся выручкой. А потом у него вдруг появилось чувство, что кто-то стоит рядом с ним.

Он поднял глаза. По ту сторону стойки стоял рослый старик в кожаном кафтане. Йол заметил, что шум в корчме затих и глаза посетителей направлены на нового гостя. Уж слишком замечен был старик. Высокий, на голову выше Йола, очень необычного вида; волосы белоснежные, до середины груди, а борода угольно-черная. А уж взгляд у старика был и вовсе особенный. Йол никогда не видел вблизи графов или принцев, но мог бы поклясться, что такой властный взгляд может быть только у человека, всю жизнь повелевавшего другими.

– Что-нибудь выпить? – спросил Йол, придав своей угрюмой физиономии самое приветливое выражение.

– Нет, благодарю, – старик, однако, показал трактирщику серебряную монету. – Комната свободная есть?

– Комната? – Йол не без усилия отвел взгляд от монеты в руке старика. – Комнаты есть, господин. Сколько угодно комнат. Для такого господина даже на выбор. Есть комната с видом на сад, а есть с видом на императорский дворец.

– Отсюда до императорского дворца далеко, – ответил старик. – Мне нужна просто комната и за честную плату.

– Конечно, конечно, господин! – Йол угодливо закивал. – В моей гостинице все по-честному, господин. Четыре гроша в день за кров, господин. За еду и вино плата отдельная, но цены у меня невелики, клянусь Единым. Вам любой подтвердит, что я честный человек.

– Ну-ну! – Старик едва заметно усмехнулся в бороду. – Говоря по совести, я мог бы найти гостиницу получше и корчмаря почестнее. Но мне просто нужно у тебя сегодня остановиться. Поэтому возьми эту монету и покажи мне комнату.

– Стен! – завопил Толстяк. – Поди сюда, сынок!

Младший сын появился даже быстрее, чем ожидал сам Йол. Старик выслушал предложение следовать за мальчиком наверх, ничего не сказал, только кивнул. Он поднимался по лестнице, а глаза посетителей смотрели ему в спину.

Комната была скверная – в другой гостинице за эти же деньги старик смог бы снять целые хоромы. Но странному гостю были не нужны удобства и комфорт. Когда мальчик ушел, старик сел на хлипкий табурет у окна комнаты, обращенного на улицу, и сидел неподвижно до самой ночи, безучастный ко всему, будто фигура, вырезанная из камня.

На башне храма Единого ударили в колокол, отметив наступление полночи. Но парочка, уютно устроившаяся на куче сена под кровлей амбара, не обратила на сигнальный колокол никакого внимания. Они были слишком поглощены друг другом.

– А ты верно видел то, о чем рассказывал сегодня вечером? – спрашивал женский голос.

– Конечно, милая. То, чего я повидал, хватило бы на десяток поэтов.

– Ты такой отважный!

– А ты такая аппетитная! Вот так бы и лежал рядом с тобой и поглаживал твои восхитительные формы.

– Лжешь ты все, – девушка хихикнула. – Ты бы сбежал от меня. Такие баре, вроде тебя, только и ждут момента, чтобы завалить какую-нибудь простушку, а потом ее кинуть, бедняжку.

– Я не сбегу. Ты покорила мое сердце, милая.

– Небось, всем девушкам талдычишь одно и то же.

– Каюсь, было дело. Но тебя, сахарная, я полюбил всей душой. Давай же, позволь мне снять к вордланам этот проклятый корсет!

– Постой, постой, ишь какой нетерпеливый! Ты лучше скажи, поведешь меня к жрецу Единого или нет?

– Я поведу тебя куда угодно, если ты позволишь мне снять с тебя эти мерзкие тряпки и насладиться наконец истинной и ослепительной красотой.

– Врешь. Убежишь, как только получишь свое.

– Убегу? Нет уж, цветочек мой, я останусь рядом с тобой и буду каждую ночь совершать путешествие, которое мне никогда не наскучит.

– Это какое путешествие?

– А вот какое; поначалу я буду каждый вечер проходить между этими белоснежными холмиками – вот так. А между делом поднимусь на каждый из этих холмиков и славно по ним погуляю.

– О, это мне нравится! Я даже готова распустить вот этот шнурочек, чтобы твои пальцы нашли дорогу.

– Ты моя милая! Дай-ка я тебя поцелую... Сладость твоих губок искупает ту недоверчивость, которой ты меня так больно жалишь, моя пчелка. Ну, а потом наш путник проползет по славной гладенькой равнинке, такой шелковистой и теплой. А какое счастье для него будет провалиться в твой пупочек... то есть в чудесную ямку, которая меня так возбуждает!

– А дальше?

– А дальше, – и рука молодого человека спустилась еще ниже, – влюбленный путник углубится в густой лес, такой дивный, что сердце замирает и начинает колотиться все чаще, потому что путник, проходя через чудесный лес, окажется у входа в Царство исполнения желаний – вот здесь! И, кажется, путника, тут уже ждут.

– И это все?

– О нет! Путник не в силах достичь счастья и доставить его любимой – это суждено другому пилигриму. Как ему будут рады, когда он начнет входить в Царство счастья!

– Уж не этот ли пилигрим собрался порадовать меня?

– Он самый! Как истинный местьер, он всегда встает при виде дамы, и потому его воспитанность заслуживает награды... Духи ночи, как давно я не испытывал таких восхитительных ласк!

– И боюсь, парень, уже никогда не испытаешь, – отчетливо и громко сказал мужской голос, – потому что сегодня твой благовоспитанный отросток украсит собой собачью похлебку.

– Ой, папа! – взвизгнула девица.

Посыпались искры, высекаемые кресалом о кремь, вспыхнул факел, осветив весь амбар. Трактирщик Йол-Толстяк, коренастый и краснорожий, с окладистой бородищей, шагнул к полураздетой парочке, испуганно и очумело тарашившейся на него с кучи сена.

– Крышка тебе, Уэр ди Марон, – заявил трактирщик тоном, в котором удивительным образом смешались спокойствие и бешеная ярость. – На этот раз не выкрутишься, сукин сын.

– Йол, дружище, ты меня неправильно понял, – поэт тщетно пытался вырваться из объятий дочки трактирщика, – я всего лишь хотел... я собирался попросить у тебя руки Шаллы, но я не... в общем, я просто решил, что... Хочешь верь, хочешь нет, но я не хотел сделать Шалле ничего плохого!

– Конечно, не хотел, – кивнул трактирщик, – ты всего лишь хотел рассказать ей пару стишков, пока она будет тебя улаживать, так? Амбар окружен, так что не вздумай меня злить, – ответил Йол. – Стоит мне подуть в этот свисток, и Брен спустит с поводка нашего пса. Ты видел эту зверюгу – клянусь Харумисом, псина враз отгрызет тебе все твои мужские погремушки!

– Духи ночи! Да я и не собирался тебя злить, Йол. Ты меня поймал, твоя власть.

– Вставай, подлец, – трактирщик пнул поэта носком сапога в бок. – Ты рассчитывал меня умаслить, пообещав жениться на Шалле, но ты просчитался. Шалла уже просватана.

– За кого это, хотелось бы узнать? – проворчал ди Марон.

– За мельника Оллиса из Варденсто, – сказала Шалла, всхлипывая.

– Молчи, дрянь! – прикрикнул трактирщик. – Опозорила и меня, и доброго мастера Оллиса. Вряд ли он захочет теперь взять в жены такую шлюху, как ты.

– Да я, клянусь Единым, ее пальцем не коснулся! – воскликнул ди Марон, торопливо завязывая тесемки на гультфике. – Не делай из мухи слона, Йол, давай покончим с этим недо-разумением. Ты угостишь меня вином, а я расскажу тебе столько сказаний, сколько ты...

– Вино, говоришь? Стишки? – Йол плюнул себе под ноги, потом поднес к лицу юноши свой громадный кулак. – Да у меня внутри все трясется от желания расквасить твою смазливую рожу! Нет уж, голубок, ночь ты посидишь у меня в подполе, а утром я сдам тебя императорскому приставу. Есть закон о прелюбодеях, и ты сполна получишь у меня по этому закону. Отучу я тебя портить девок! Эй, парни, идите сюда, вяжите-ка этого ублюдка!

Ди Марон, испуганный и ошеломленный происходящим, даже и не думал сопротивляться, когда Брен, Стен и Арним, сыновья трактирщика, такие же крепкие и могучие, как отец, начали вязать ему руки и тащить к выходу из амбара. Сердце у него бешено колотилось, во рту пересохло от страха, ноги тряслись, и самые мрачные мысли непрошенно лезли в голову.

– Послушай, Йол, может, все-таки решим все полюбовно? – завопил он, когда его выволокли во двор. – У моего отца есть деньги. Я заплачу!

Трактирщик лишь недобро усмехнулся. Он услышал то, что жаждал услышать. Теперь надо как следует поугатать сосунка, чтобы, сомлев от страха, он согласился выложить столько, сколько запросит оскорбленный отец. А запросить Йол собрался немало.

– Сначала посидишь в холодной, приятель, – сказал он. – А утром придет пристав, тогда и потолкуем.

– Для хорошего разговора необязательно ждать утра! – произнес за спиной трактирщика чей-то голос. Йол вздрогнул, обернулся и увидел старика, который остановился в его корчме. Гость стоял у двери, выходящей во двор корчмы, и наблюдал за происходящим.

Уэр ди Марон был красив, молод и богат. Его отец Кас ди Марон, выходец из крестьян, сумел неожиданно разбогатеть, поместив свой небольшой капитал в торговые операции земляка купца, а позже женившись на его дочери. За тридцать лет ди Марон из мелкого купчика-спекулянта, дававшего деньги в рост, превратился в одного из самых богатых людей в Гесперополисе. Банковский дом «Ди Марон и сын» процветал еще и потому, что не раз и не два кредитовал императоров Лаэды, а свои долги августейшие должники возвращали с хорошими процентами. Император Ялмар пожаловал Касу ди Марону дворянский титул. Тем больше была печаль почтенного Каса ди Марона – его сын Уэр не хотел быть банкиром. Он писал стихи и влипал в истории, которые заканчивались всегда одинаково – выплатой отступных вельможе, которого молодой виршеплет высмеял в своих эпиграммах, или отцу, дочку которого Уэр соблазнил. Особенно огорчил старого банкира последний случай, когда он случайно обнаружил на конторке сына почти дописанную поэму «Кровь невинных». Кас ди Марон прочел поэму, и от этого чтения его едва не разбил удар. Когда сын вернулся домой, ди Марон-старший вызвал его для разговора в свой кабинет.

– Это ты писал? – спросил он, показав сыну свиток поэмы.

– Конечно, – с гордостью сказал ди Марон-младший. – Эта поэма – моя гордость. Ничего лучше я не писал. Она прославит меня в веках!

– Как я понял из твоей писанины, ты осуждаешь императора за то, что он подавил восстание дикарей-волахов, не так ли?

– Да, отец. Я ненавижу насилие. Императорские войска убивали в Хэнше женщин и детей, сжигали деревни, грабили и насиловали. Это противно всем законам морали. Я, как поэт...

– Дурак ты, а не поэт! – взорвался банкир. – Полоумный щенок! Ты хоть понимаешь, что ты творишь?

– Понимаю, – с достоинством заявил юноша. – Не смей меня ругать. Вы все трусы, вы боитесь говорить правду. А я не боюсь.

– Трусы, говоришь? – Ди Марон-старший встал из глубокого кресла, запахнул шубу. – Идем за мной!

– Куда? – не понял сын.

– Идем, говорю тебе!

Ди Марон-младший, гадая, что бы все это значило, поплелся за отцом. Старый банкир привел сына в свою спальню, откинул роскошный гобелен, закрывающий стену, и нажал на потайную пружину. В стене открылся искусно замаскированный сейф.

– Подойди! – велел он сыну.

Юноша подошел к стене. Ди Марон-старший поднес шандал с горящими свечами к сейфу.

– Что ты видишь?

– Какие-то бумаги.

– Это любовные письма моей покойной жены, твоей матери. Что еще видишь?

– Погоди-ка... Отец, это же оловянный солдатик! Чего ради ты хранишь его в сейфе?

– Скоро узнаешь... Что ты еще видишь?

– Старую деревянную ложку, страшную и обгрызенную. Такой хамы хлеблют свою похлебку. Отец, я что-то не пойму, на кой бес ты хранишь в сейфе эту дрянь. Это шутка?

– А теперь послушай меня, сын. Я понял твою поэму. Ты осудил меня за то, что я даю деньги императору на войну, кредитую покупку оружия и снаряжения для армии в Хэнше. Да, ты прав. Я ссудил императорской казне тридцать тысяч полновесных золотых ноблей на

покупку военного снаряжения. Император Ялмар за то наградил меня орденом и званием «Почетный гражданин империи». Я горжусь этим. И еще – все это я делаю ради тебя. А этого солдатики и эту ложку я храню всю жизнь. Знаешь, почему я их храню? Когда-то я был беден. Очень беден. В детстве у меня была одна мечта – досыта поесть. Нас было пятеро у отца с матерью. Отец всю жизнь работал в поле и умер на пашне, оставив нас без гроша. Мать зарабатывала вязанием кружевных воротников – четверть галарна за дюжину. Этих денег нам хватало только на оплату жилья, хлеб и молоко. Когда мне было десять лет, я подхватил гнилую лихорадку, и лекарь сказал, что меня спасет только чудо. Тогда мать продала единственную ценную вещь в доме – серебряную солонку, свадебный подарок отца. На вырученные деньги она купила лекарьств, еды и этого солдатики, которого я не выпускал из рук, пока болел.

– Отец, это очень трогательно. Я напишу об этом балладу.

– Твое счастье – или несчастье – в том, что ты вырос в богатстве и безопасности. Ты не знаешь, что такое нищета.

– Спаси меня Единый! Ложка тоже особенная?

– Этой ложкой, которой, как ты изволил выразиться, едят хамы, ели мы в детстве – одной ложкой, по очереди. Другой ложки у нас не было. Тебе не мешало бы недельку-другую поесть такой.

– Отец, я... – Ди Марону-младшему почему-то больше не хотелось ерничать. – Прости меня. Я все понял. Я был не прав.

– Это хорошо, что ты понял. Я храню эту ложку и этого солдатики всю свою жизнь, чтобы не забывать о том, откуда я, как я жил в детстве, и память о прошлом помогает мне ценить то, что я имею сейчас. Ты не испытал нищеты и голода; я, слава Единому, об этом позаботился. Однако это не извиняет твоего легкомыслия и твоего щенячьего фанфаронства, – банкир достал из кошелька на поясе свиток со злополучной поэмой, подошел к камину, затопленному на ночь. – Сам бросишь ее в огонь или мне позволишь?

– Сам, – юноша проглотил ком в горле, шагнул к отцу, взял свиток.

Пергамент корчился на горящих в камине дровах, и сердце ди Марона-младшего наполнила грусть – поэма и впрямь была хороша. Голос отца, стоявшего за спиной, потерял металлические нотки; теперь отец говорил с болью и нежностью.

– Я хочу тебе счастья, сынок. Единый дал мне только одного сына, хотя мы с женой хотели много детей. В тебе моя надежда. Я стар, скоро Единый заберет меня, и все достанется тебе. Твое беспутство и твоя бесшабашность пугают меня. Поэтому я намерен тебя женить. Не возражай, все уже решено.

– Женить? – спросил юноша, не отрывая взгляда от догорающего свитка. – На ком?

– На хорошей девушке. Не сомневайся, она тебе понравится. Я нашел тебе лучшую девушку из всех. Скоро вы встретитесь. А до тех пор прошу об одном – никаких сочинений об императоре, никаких пьяных выходок и походов по притонам. Ты позоришь меня, Уэр. Ты позоришь свою мать. Подумай об этом, сын. Пора становиться взрослым и заняться настоящим делом...

Теперь, стоя на пороге амбара, связанный сыновьями трактирщика, Уэр ди Марон вспомнил этот разговор. Конечно, отец тогда был прав. А он просто идиот. И вся надежда теперь – этот незнакомый ему старик. Кто он, вордланы его заберут?

– Меня зовут Ферран ди Брай, – сказал старик, будто угадав мысли и юноши, и трактирщика Йола. – Что здесь происходит?

– Этот негодяй пытался обесчестить мою дочь, – заявил Йол, сделав шаг к старику и уперев руки в бока. – А тебе-то что, старче?

– Просто спросил, – отвечал старик. – Разве нельзя просто спросить?

– Это наши семейные дела, – Йол ухмыльнулся. – Так что иди в свою комнату и ложись спать, приятель. Мы без тебя разберемся.



– Добрый местьер, прошу тебя, помоги мне! – неожиданно для самого себя завопил ди Марон, падая в пыль на колени. – Они же изувечат меня, эти вепри! Во имя Единого!

– Сам виноват, – сказал старик. – Нечего было соблазнять эту девушку.

– Девушку? – Ди Марон не удержался от презрительного смеха. – Эта девица так ухватила меня за мой корень, что чуть не оторвала его. А что она выделявала языком!

– Заткнись, подлец! – Йол, оскорбленный то ли словами поэта, то ли правдой о поведении своей дочери, вlepил ди Марону такую оплеуху, что юноша свалился в пыль. – Убью, мерзкая крыса!

– погоди, – мягко сказал старик, шагнув к Йолу, занесшему руку для нового удара. – Не бей парня. Он всего лишь не может удерживать свой член в штанах. Невелик грех.

– Э, старче, это не грех. Это преступление. Законы божественного Ведды знаешь? Дело-то пахнет битьем кнутом, тюремным заключением и большим штрафом.

– И ты думаешь, судейские с тобой поделятся? – не без иронии спросил старик.

– Третий штрафа полагается мне.

– А я думаю, что ты лукавишь, приятель. Ты хочешь для острастки подержать парня в погребу, а потом взять с него отступные. Так ведь?

– Что ты за, мать твою, отгадчик такой? – Йол был поражен и не без труда скрыл свое изумление. – Хочешь сказать, что все на свете знаешь?

– Не все, но многое. Просто хочу предложить тебе кое-что.

– Да? – Йол оглядел странного гостя. – Ты у нас посланник неба, спасающий заблудшие души, да?

– Скорее, наоборот. И так?

– Стен, Брен, Арним, гляньте-ка на этого парня! – Йол хохотнул, потом вперился в старика тяжелым взглядом. – Ну, давай, валяй, назови свою цену. Может, я и отпущу этого засранца, если меня устроит плата.

– Скажи сначала, сколько ты хочешь.

– Я-то? – Йол колебался всего секунду. – Две тысячи галарнов.

– Хорошо, – просто сказал старик. – Ты их получишь.

– Разрази меня гром! – воскликнул ди Марон, изумление которого было не меньше, чем шок, охвативший трактирщика и его сыновей. – Старому бродяге подают куда лучше, чем поэту, не жалеющему ни чернил, ни глотки. Это сто золотых, таких денег в этой части города никогда не видели! Я твой должник, дед! Эй, сявки безмозглые, развяжите меня немедленно!

– Погодь, голубок, ишь какой быстрый! – Толстяк шагнул к старику, испытующе заглянул ему в глаза. – Я что-то пока не понял, что к чему. Ты, почтенный, видать какой-нибудь граф переодетый, коли хочешь заплатить эдакие деньжищи за такого прощелыгу. А может, ты пошутковать надумал, так я не охотник до шуток, клянусь задницей Харумиса!

– Я не шучу, – ответил Ферран ди Брай. – Кто я, неважно. Гораздо важнее то, что ты можешь хорошо заработать, если отпустишь мальчишку.

– Деньги вперед! Я тебе не верю.

– Посуди сам, трактирщик, – начал старик спокойным тоном, – в какое дело ты влезаешь. Утром ты потащишь мальчишку к судье, чтобы парня наказали за прелюбодеяние. Тебе потребуется свидетель, верно? Твоя сыновья не годятся в свидетели, ибо они сторона пристрастная. Свидетелем буду я. Что я скажу судье? Что девица забралась с парнем на сеновал не для того, чтобы полюбоваться звездами. К тому же мальчишка не знал, что она просватана.

– Клянусь Единым, не знал! – завопил ди Марон.

– Ну, вот видишь, – продолжал старик. – Судья выслушает твои показания, показания мальчика и мое свидетельство, и ты ничего не получишь. Самое большее, что грозит парню – так это штраф в пользу суда. Законы надо знать, милейший.

– Деньги вперед!

– Даю слово, что ты их получишь.

– Деньги вперед, иначе мои сыновья переломают этому говнюку все кости до единой! – взорвался Йол, который понял, что его план срывается.

– Ты просто грубиян и плебей, – поморщился старик. – Вшивый золотарь куда любезнее тебя.

– А ты просто старый лгун! Где ты возьмешь две тысячи галарнов? Ты морочишь меня, старик. И после этого ты...

– Ладно, только закрой рот и слушай. Прямо за Восточными воротами, в полулиге от городской стены, стоит заброшенная мельница. Пошли своих сыновей, только пусть возьмут с собой побольше факелов, трут и огниво – свет в этих развалинах должен гореть постоянно. Во дворе мельницы есть колодец. Пусть твои парни разберут каменную кладку колодца с восточной стороны. За одним из камней есть ниша, а в ней лежит кожаный мешок. В нем триста азорийских золотых дракианов. Твои сыновья возьмут ровно сто дракианов, не больше и не меньше – это очень важно. Потом они должны вернуть камни кладки на место и спешить в город.

– Черта с два, старик! Ты не хуже меня знаешь, что в эту пору ворота закрыты.

– Ворота – да. Но рядом с воротами есть маленькая калитка для стражи; она не запирается всю ночь.

– Старик, не делай этого! – закричал ди Марон. – Они обманут тебя. Они заберут твои деньги, а меня все равно непустят! Посмотри на их рожи – это же разбойники, клянусь духами ночи!

– Не поминай духов ночи, сынок. – Глаза старика вдруг сверкнули в полутьме. – Они могут откликнуться на твой зов.

– И все-таки я не пойму тебя, старик, – сказал Йол, уже не пытаясь скрыть своего изумления. – Кто ты? Святой или демон? Или ты просто разыгрываешь нас?

– Я бедный пожилой человек, которому пришлось по сердцу пройдоха, обольститель и изрядный сукин сын по имени Уэр ди Марон.

– Скажи еще, что ты делаешь это бескорыстно, и я заплачу от умиления.

– Я делаю это не бескорыстно, – ответил старик. – По рукам?

– Брен, Стен, ступайте за деньгами! – скомандовал Йол, а потом вдруг заметил, что старшие сыновья нерешительно жмутся друг к другу и вовсе не собираются следовать велению отца.

– Чего стоите? – рявкнул трактирщик.

– Отец, мы боимся, – сказал Брен.

– Тут что-то нечисто, – добавил Стен. – Этот старик колдун, клянусь Единым. Мы не пойдем.

– Не бойтесь, – ответил за Йола старик. – Идите смело. Только помните, что у вас в руках все время должен гореть огонь. И берите не больше ста дракианов! Идите, время не терпит.

– Слышали? – осмелел Йол. – Вперед, дармоеды!

– Сними с парня веревки, – велел Ферран ди Брай, когда сыновья Толстяка ушли. – Он никуда не убежит.

– Арним, сними веревки, – нехотя приказал трактирщик. – Только стой рядом с ним!

– Спасибо тебе, – сказал ди Марон старику, но тот ничего не ответил. И молодой поэт решил, что лучше помолчать и дожидаться конца приключения. Одно ди Марон знал точно; то, что с ним сегодня случилось – великолепная тема для поэмы. Успокоившись, он сел на бревно и начал сочинять, пытаясь запомнить то, что у него выходило.

Через полчаса кто-то вошел в проулок, освещая путь факелами. Ди Марон вскочил на ноги, трактирщик напрягся в предвкушении денег, которые несут его сыновья. Только Ферран ди Брай удивленно покачал головой.

– Так скоро? – пробормотал он.

Люди с факелами вошли во двор корчмы. Трактирщик начал подобострастно кланяться – это не был простой обход. В числе городских стражников, пожаловавших к «Райскому уголку», были два Красных плаща. Один из них сразу подошел к юноше.

– Уэр ди Марон, сын Каса ди Марона? – спросил он.

– Это я, – кивнул молодой человек.

– Ты арестован за ограбление библиотеки Императорского колледжа права и искусств! – заявил офицер. – Ты будешь доставлен в суд немедленно и выслушаешь приговор судьи, который назначит тебе наказание.

– Ну и малый! – произнес Ферран ди Брай не то с иронией, не то с уважением. – Офицер, можно мне слово?

– Кто ты? – Красный плащ шагнул в круг света от факела в руках одного из стражников. Другой сыщик тем временем надевал наручники на совершенно подавленного ди Марона.

– Меня зовут Ферран ди Брай, – старик подошел к офицеру, протянул руки. – Арестуйте меня вместе с ним. Мы ограбили колледж вместе.

– Нет! – воскликнул ди Марон, пораженный непонятным поведением старика. – Он лжет! Его не было в колледже!

– Был, – сказал старик. – Я был в колледже. Арестуйте меня, офицер.

– Клянусь Единым! – Красный плащ обошел трактирщика, застывшего на месте с выпученными глазами и раскрытым ртом, приблизился к старику. – Про тебя мне ничего не известно. В тюрьму захотел, милейший?

– Хочется посмотреть темницы Гесперополиса, – ответил старик. – А я всегда оказываюсь там, где хочу...

– Подсудимый Уэр ди Марон! Подсудимый Ферран ди Брай! Суд велит вам встать и выслушать приговор! Именем Божественного императора, Двадцать Восьмого воплощения Света, повелителя Запада и Востока, Хранителя Закона и Справедливости Шендрегона Первого, объявляю вам, подсудимый Уэр ди Марон, и вам, подсудимый Ферран ди Брай, что Императорский магистрат, заслушав обстоятельства дела и выслушав показания свидетелей, а также ваши собственные показания, пришел к непоколебимому выводу, что в ночь с 10-е на 11-е настоящего месяца года 1333 от Воплощения Света, будучи в состоянии сильного подпития, вы проникли путем взлома замка в библиотеку Императорского колледжа права и искусства и похитили там четыре книги и сто двадцать рисунков искусной работы, кои затем сбыли в Заречном квартале человеку по имени Мески, а по прозвищу Лягушка, известному скупщику краденого, заплатившему вам за вышеупомянутые четыре книги и сто двадцать рисунков двадцать два галарна, семь крон и четыре гроша новой чеканки; соответственно, вами было совершено преступление, предусмотренное параграфами 60, 61, 63 и 233 Уложения Империи о наказаниях, принятого в правление божественного Ведды. Таким образом, суд, учитывая тяжесть содеянного и все сопутствующие оному преступлению обстоятельства, приговорил вас, подсудимый Уэр ди Марон, и вас, подсудимый Ферран ди Брай, к смертной казни через повешение, которая будет заменена каторжными работами сроком на 20 лет. Настоящий приговор окончательный и не подлежит пересмотру или смягчению. Пусть Единый смилуется над вами! Нынче же, сразу после суда, вас доставят в тюрьму Гесперополиса, где вы проведете ночь, а наутро, в соответствии с законом, вы будете препровождены на место отбытия вашего наказания. Помните, что только раскаянием и честным трудом на благо нашей великой империи вы сможете облегчить свою тяжелую, но заслуженную участь. На этом суд объявляется закрытым!

– Твой скупщик краденого оказался стукачом, – сообщил ди Брай юноше, когда стража выводила их из зала суда. – Это он тебя сдал полиции.

– Все пропало! – повторял ди Марон; он едва передвигал ноги и шел только потому, что стражник все время дергал его за цепь, прикрепленную к ручным кандалам. – Будь проклята моя глупость! Я погубил себя, погубил отца!

– Не беспокойся, – шепнул ди Брай. – Все только начинается.

– Кто ты, мать твою, такой? Выдал себя за моего сообщника, теперь пытаешься дать мне надежду! Да ты просто псих, клянусь духами ночи! Оставь меня в покое и дай мне ощутить всю глубину моего отчаяния.

– На здоровье... А что за рисунки ты украл из библиотеки?

– Рисунки любовных сцен и увеселений из «Кодекса беспутных».

– Я так и думал, – сказал ди Брай и больше не задавал никаких вопросов до самых ворот тюрьмы.

Девка была небольшого росточка, но молодая и приятная – на вид ей было лет шестнадцать, а может, и меньше. Джел посулил ей пять галарнов, и она сразу согласилась идти за ним куда угодно. В экипаже она решила не терять попусту времени и предложила Джелу сразу начать отрабатывать обещанную плату, но канцлер велел ей немного обождать. Девушка привыкла не задавать никаких вопросов – ей было все равно, что, как и где проделывать, лишь бы платили. Лишь однажды за всю дорогу Джел нарушил молчание.

– У тебя есть семья? – спросил он.

– Никого, миленький, – с улыбкой сообщила девушка. – Были мать и сестра, да померли зимой от чахотки. Одна я.

– Это хорошо.

– Почему хорошо? – насторожилась девушка.

– Почему? – Канцлер погладил ее по руке. – Надолго хватит заработанных денег.

– А, вот ты о чем! – Она вздохнула. – А я уж напугалась, удумал ты что нехорошее...

Экипаж доставил их к потайной калитке в крепостной стене Красного Чертога. Джел вел свою гостью так, чтобы никто их не смог увидеть, даже дворцовая стража. Хотя такие предосторожности, пожалуй, чрезмерны. У девушки никого нет, так что не стоит особенно нервничать.

– Куда мы идем? – спросила девушка, когда он вывел ее к парадному входу во дворец. – В жисть не видела таких огромных домов! Ты что, принц что ли?

– Принц, – сказал Джел.

– Во здорово! И член у тебя, наверное, здоровенный, как твой дом, – захихикала девушка. – Ни разу мне еще с принцем не приходилось этим заниматься!

– Вот и попробуешь, – сказал Джел, которому хотелось только одного: чтобы девка ничего не заподозрила. – Тебя как зовут?

– Ширен.

– Ты не лаэданка?

– Роширка, миленький. А тебе, небось, нравятся эти северные белокрысы коровы, верно? Они и мужика-то ублажить как следует не могут.

– Молчи, – Джел успокоился, потому что они уже вошли с бокового входа во дворец, и здесь девушка была полностью в его власти. – Свои деньги ты получишь.

Он повел ее так, чтобы у девушки создалось впечатление, будто он боится быть узнанным своими придворными – через зимний сад дворца. У входа в книгохранилище он велел ей подождать его, а сам спустился по лестнице вниз и толкнул тяжелую, окованную медными скрепами дверь. В хранилище горел свет.

Тасси его ждала. Говорить ничего не пришлось – она по глазам канцлера прочла, что свое дело он сделал.

– У меня все готово, – сказала она. – Обряд можно совершить где угодно, но лучше будет, если ты приведешь ее в Северный покой. Отправляйся прямо сейчас. Я догоню вас.

– Объясни мне, что ты задумала?

– Все узнаешь в Северном покое. Там все готово, иди же. Надеюсь, ты выбрал девку, которую не будут потом искать. Хотя это уже значения не имеет. Когда откроются Вторые врата, в Гесперополисе изменится очень многое.

– Она сирота, – глухо сказал Джел ди Оран.

– Это она тебе сказала? – с иронией спросила Тасси. – Ты так легковерен, мой милый!

– Я уйду, – Джел развернулся и пошел к выходу, обметая своим длинным плащом пыльные полы книгохранилища. В последние дни Тасси часто заставляла его злиться, но сегодня он ее просто ненавидел. Он, великий маг, единственный, прочитавший полный текст Книги Заммека, стал просто прислужником. Тасси даже не скрывает, что она его использует в своих интересах.

Ширен слонялась по коридору, с любопытством разглядывая затейливую лепнину на стенах, пробуя на ощупь тяжелый бархат занавесей. Когда Джел появился в коридоре, она улыбнулась.

– Ну что, миленький, куда пойдем? – игриво спросила она, коснувшись его плеча. – Пора бы и в постельку!

– Пора, – Канцлер проглотил застрявший в горле ком. – Пойдем, милая. Давай побыстрее со всем этим покончим.

Он пропустил ее вперед и шел, наблюдая, как девушка ведет себя – она ни о чем не тревожилась. Впервые за много лет Джел ди Оран испытал жалость. Эта малютка не заслужила судьбы, которая ее ожидает. Волосы канцлера зашевелились под капюшоном плаща – он подумал о предстоящем ритуале. Книга Каркото, которую искала Тасси в императорском книгохранилище, уже в Северном покое. Он вспомнил торжествующее лицо Тасси, когда в первый раз показал ей эту книгу, еще толком не зная, как и для чего ее можно использовать. Странная гримаса судьбы – покойный император Ялмар долгие годы искал эту дьявольскую книгу, чудом уцелевшую после многолетнего уничтожения всех трудов по чернокнижию, а она была у него под носом, в самом дворце, да еще и пережила своего гонителя. Джел ни разу не мог заставить себя даже коснуться этой книги – она была написана на коже заживо освежаванных младенцев. Отец говорил ему, что Книга Каркото до сих пор издает детский плач, если к ней прикоснуться без специального защитного заклинания. Из четырех главных книг по Магии Луны и Крови Книга Каркото единственная содержала магические формулы, позволяющие управлять Вратами. Теперь Тасси сделает то, чего добивалась многие годы. Гесперополис обречен, завтра здесь воцарится настоящий ад. Стоит ли печалиться о судьбе одной-единственной шлюхи, путь даже молодой и красивой, если ее участь завтра разделят тысячи жителей города? Лишь немногие переживут грядущий кошмар, и среди этих счастливых – он сам да еще император Шендрегон, бедный, напыщенный, сластолюбивый мальчишка, вообразивший что он действительно живой Бог и что ему на самом деле дана чудесная сила воскрешать мертвых.

«А сам-то я чем лучше него? – подумал с горечью Джел. – Я думал, что это я управляю демоном. А это демон воспользовался мной, чтобы насытить свой голод. Я хотел уничтожить одного человека, а теперь из-за меня погибнут все. И первой будет эта девочка».

– О чем ты думаешь? – спросила Ширен.

– Мы уже пришли, – ответил он.

Перед ними были двустворчатые двери Северного покоя. Джел вздрогнул – на потемневшей, позеленевшей от патины меди дверей сцены изображали воскрешение мертвецов в день Dhovidann Yarhn – День гибели мира. Совпадение показалось ему зловещим предзнаменованием. Канцлер повернул изогнутую ручку, и дверь открылась. Они вошли в красноватый сумрак, пропахший ароматическими курениями.

– Добро пожаловать! – сказала Тасси. Она уже ждала их.

– Еще одна женщина? – Ширен улыбнулась. – Тебе нравится сразу с двумя, принц?

– Нравится, – глухо ответил Джел, сбрасывая плащ. – Ты против?

– Почему бы и нет? – Ширен снова улыбнулась и начала развязывать шнуровку на своем корсете. И в это мгновение Тасси непостижимым образом в одно мгновение оказалась у нее за спиной.

Джел в этот миг – в последние секунды жизни Ширен – увидел глаза уличной девки. Он уже много раз видел то, что делала Тасси со своими жертвами, но привыкнуть к этому так и не сумел. К этому привыкнуть было нельзя. Ужас в глазах Ширен был не просто смертельным – это был запредельный ужас, непостижимый, неописуемый. Девушка упала на колени, затрясла головой; ее губы шевелились, но сказать она уже ничего не могла. Повторилось то, что случилось с той, настоящей Тасси, когда Аина ап-Аннос вселилась в нее. К счастью, Деве-из-Бездны не требовалось больше десяти секунд на то, чтобы забрать чужую жизнь.

Ширен умерла прямо у ног канцлера. То, что мгновение назад было полной жизни цветущей девушкой, теперь напоминало скелет, обтянутый желтой сухой кожей.

Тасси склонилась над Книгой Каркото, лежавшей на конторке в окружении зажженных лампионов, и зубами прокусила себе запястье. Капли крови упали на книгу. Джел увидел, как пролитая кровь немедленно впиталась в пергамент. Тасси нараспев читала заклинания, и по углам и стенам покоя ползли жуткие, искривленные, изломанные тени, собираясь в центр, к Книге. А потом Джел ди Оран услышал тихий стон. Его отец был прав – Книга Каркото стонала. Огоньки лампионов заколебались, окрасились в синий цвет. Стон прервался, и пораженный канцлер услышал звук, который меньше всего ожидал услышать – детский смех.

– Они здесь! – воскликнула Тасси. – Вторые врата открыты!

Труп Ширен зашевелился, потом будто неведомая сила подбросила его к потолку. Тени, ползущие по стенам, разом рванулись под потолок, туда, где повисло в воздухе обескровленное тело шлюхи. Тени метались вокруг трупа, рычали, визжали, чавкали, рвали мертвую плоть на куски. Потом все стихло.

Когда Джел ди Оран пришел в себя, в Северном покое были лишь они с Тасси. От трупа Ширен остались только осколки костей, усеявшие ковер и узорный пол. Лампионы снова горели обычным красноватым пламенем.

Тасси подошла к нему, поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Ее поцелуй оказался ему солоноватым. Джела затошнило.

– Видишь, любимый, как это просто, – шепнула Тасси ему на ухо. – Завтра Гесперополис будет наш. Твой и мой. И пусть наши враги трепещут!

– Арания, ты разбудила смерть!

– Я просто начала войну. И еще – я придумала, как нам доставить сюда своего воина из-за круга. И скоро он будет здесь.

Латгалы все еще сопротивлялись. Часть из них засела за плетнем и метала в кнехтов стрелы и дротики, остальные пытались закрепиться у горящих домов. Хорст фон Гриппен презрительно хмыкнул; верно, Бог лишил дикарей разума, если они надеются отсидеться в таком пекле. Подожженные хижины поселка полыхали так дружно и так жарко, что очень и очень скоро дикари или зажарятся там заживо, или выйдут на открытое место, чтобы сдаться на милость рыцаря или умереть в бою. Ничто их не спасет, а уж их жалкие идола – тем более.

Рядом с фон Гриппеном остались его оруженосец Оттон и два латника, остальные воины добивали дикарей. У околицы поселка лежало с десятков трупов, еще два или три фон Гриппен увидел у домов. Язычников кто-то предупредил о приближении орденового отряда – в поселке не было ни женщин, ни детей. Верно, они успели уйти в лес. Но это не имеет значения. Сегодня

к вечеру от языческого гнезда не останется ничего, кроме пепла и золы. Отцы-инквизиторы вразумляют еретиков через огненное крещение – именно оно и постигло сегодня эту деревню.

Конь под фон Гриппеном зафыркал. До пригорка, на котором они стояли, ветер донес запах гари и горелой плоти. И снова рыцарь хмыкнул; как-то давно в беседе с ним рижский епископ Каспар сказал, что труп язычника всегда пахнет хорошо. Солгал преподобный, нет ничего омерзительнее этой вони. Даже коню это понятно.

Со стороны пожарища появились четверо воинов, тащивших раненого товарища. Фон Гриппен пустил коня шагом им навстречу.

– Ну что там? – крикнул он.

– Почти управились, светлейший брат Хорст, – сказал старший из кнехтов. – Язычники сражаются как одержимые, верно, бесы им помогают. Мы потеряли трех человек, и еще семеро ранены. Но язычников мы положили без числа, а тех, кого не добились, огонь пожрет. Настоящая геена огненная, клянусь Богородицей!

– Хорошая работа, Вольфрам. Я доволен.

– Рады служить Ордену и твоей милости.

– Пожалуй, я сам посмотрю, что там творится. – Фон Гриппен принял из рук неотступно следовавшего за ним Оттона свой шлем с орлиной лапой на маковке, еще раз глянул на кнехтов, устраивавших на траве раненого, полубесчувственного от слабости и потери крови. – Интересно понять, чего это они так дорого продают свои жалкие жизни.

– Верно, святилище охраняют, светлейший брат Хорст, – подал голос один из кнехтов. – Там за домами их языческое капище, будь оно неладно! За то капище нечестивое они и быются, аки одержимые.

– Ну, пора их отправить к их бесовским богам! – Фон Гриппен надел шлем.

Коня он пустил мелкой рысью, чтобы жеребец, не дай Бог, не сломал ногу на этих буераках. С тех пор, как Хорст фон Гриппен стал рыцарем Ливонского ордена, кроме коня и оружия у него нет ничего. А такого коня, как его трехлетний испанец Фойерблиц, нет ни у кого из братьев – равно, как и такого меча. Меч достался фон Гриппену по наследству от деда, а тому от отца, прославленного крестоносца, побывавшего в Святой земле и видевшего Иерусалим. Великий грех пятнать такой клинок кровью этих свиней, но, верно, придется; кнехты все никак не могут осилить закрепившегося противника. Фон Гриппен уже подъехал достаточно близко, чтобы слышать хриплые крики своих воинов и ответные яростные вопли латгалов.

Кнехты столпились за невысокой стеной, сложенной из нетесаных камней, – здесь им не грозили стрелы и камни из пращей латгалов. Язычники увидели приближение рыцаря, потому что вопли стали громче, а стоило фон Гриппену подъехать ближе, как в него полетели стрелы. Одна из них даже чиркнула по наплечнику, порвав белую орденскую епанчу. Фон Гриппен не стал доставать меча, вооружился секирой. Кнехты, завидев своего командира, осмелели, полезли из-за стены, не обращая внимания на летевшие в них стрелы.

– Herum! – закричал фон Гриппен. – Vorvarts! Во славу Иисуса Христа!

Прямо перед ним в грязь упал пораженный камнем в голову кнехт: Фойерблиц перепрыгнул через него, а потом проломил грудью хлипкий плетень, вынося всадника прямо на врага. Впереди заметались темные фигуры – с десятков мужчин, вооруженных топорами на длинных рукоятках, рогатинами и луками, бросились врассыпную, завидев рыцаря. Фон Гриппен догнал одного из них, взмахнул секирой. Раздался короткий вопль, потом хруст разбитой кости, и вражеский воин повалился прямо под копыта коня. Брошенный латгалом дротик со звоном ударил в щит, отскочил. Рыцарь развернул коня, погнал его вдоль потемневшего от времени и непогоды дубового частокола, намереваясь не дать врагам уйти в лес. Облако дыма от бушевавшего пожара накрыло его. Фойерблиц с ржанием завертелся. Фон Гриппен задержал дыхание, дал шпоры коню. Дым был такой плотный, что видимости не было никакой и дышать было

попросту невозможно. Впереди гудело и бесновалось пламя, пожирившее хижины латгалов, часть частокола и подбиравшееся уже к краю леса.

Фон Гриппен начал задыхаться. Его охватил панический ужас: плотный серый дым обступил его со всех сторон, а воздуха в легких больше не оставалось. Он попробовал сделать вдох и закашлялся. Фойерблиц истошно заржал. От нехватки воздуха и напряжения в глазах молодого рыцаря поплыли огненные пятна, сознание начало мутиться. И Хорст фон Гриппен, потомок рейнских маркграфов, внезапно понял, что умирает.

Дымная пелена разорвалась так внезапно, что юноша принял появившийся перед ним пейзаж за предсмертное видение. Мало того, что Фойерблиц вынес его прямо к языческому капищу – он оказался у входа на священную землю язычников.

Это и впрямь напоминало галлюцинацию. Вокруг с треском и гулом полыхали постройки, выбрасывая в небо языки прорастающего дымом огня, а перед фон Гриппеном открылся будто другой мир. Границу святилища обозначали ряды белых камней, между которыми лежали черепа животных. За кругом камней на равном расстоянии друг от друга возвышались деревянные идолы латгалов, вырезанные целиком из огромных дубовых стволов. Рыцарь въехал в их круг, шепча молитву против нечистой силы, – обращенные на него лица языческих божеств были неприветливы. Да и мог бы рыцарь святого ордена, посвященного Деве Марии, рассчитывать здесь на другой прием? Он не знал имен этих богов, не знал, который из них Диевас, отец богов, а который Перкунас, бог грома; он не знал, какая из этих фигур изображает Лауму, богиню судьбы, а какая – Усиньша, бога солнца. Но ненавидел он их всех одинаково, потому что все они были бесы, злые духи, ненавистные ему, как воину Господню, и он в душе радовался, что пройдет еще немного времени и это богомерзкое место будет уничтожено огнем, как некогда Содом и Гоморра. А пока он проезжал мимо идолов и рубил их секирой. Дубовые щепки летели на землю, и на темных лицах идолов появлялись белые шрамы.

– Ну и герой! – услышал рыцарь звонкий женский голос.

Он удержал руку от очередного удара, обернулся на голос. Его даже не удивило, что с ним говорят на чистейшем немецком языке, который в этой дикой стране, пожалуй, и не услышишь. А потом он увидел ангела. Если бы фон Гриппен мог без помощи своих оруженосцев сойти с коня и пасть на колени, он бы сделал это. Слишком сильные чувства овладели им, когда он увидел говорившую с ним девушку в белом. Ее белокурые волосы были убраны золотыми нитями, а лицо поражало красотой. Она стояла у выхода из круга идолов и, смеясь, манила его рукой.

– Иди за мной, герой! – смеялась она. – Я помогу тебе добыть настоящую славу!

Хорст фон Гриппен ударил себя рукой в кольчужной перчатке в грудь и тронул коня. Девушка дождалась его, взяла под уздцы его Фойерблица, и они вместе двинулись по дороге, ведущей прочь от пылавшего святилища.



## Глава вторая

*Я жил так весело, как мог,  
Но вот мой час пришел,  
И императорский палач  
На казнь меня повел.  
Толпа, не плачь и глаз не прячь;  
Под крики воронья  
Работку выполнит палач,  
И в рай отправлюсь я.  
Привратник разрешит войти  
Мне в рай и скажет: «Вор!  
Твои грехи простили Бог  
И палача топор!»*

### *Песня смертников в императорской тюрьме Скорн-Присс в Феннгаге*

Надзирать за шестью тысячами каторжников, которых согнали со всей страны в Геспепополис на строительство храма божественного Шендрегона, было бы делом почетным для любого имперского чиновника. Однако Геннер ди Борк считал назначение на эту должность скорее наказанием. Он был солдатом, а не тюремщиком. Девять поколений его предков по отцовской линии были воинами. Геннер ди Борк тоже был воином, причем прославленным. Он участвовал в семи кампаниях, в том числе в последней войне против горцев Хэнша. Таких воинов нужно делать военачальниками, маршалами, по меньшей мере полковниками – кавалерийский майор ди Борк непонятно по какой причине стал просто комендантом учреждения, которое получило название «Площадка 21».

С недавних пор ди Борк страдал бессонницей. Не помогали ни отвары трав, ни ароматические ванны. Из-за бессонницы комендант засыпал поздно, а вставал рано – в четыре. В пять с докладом приходили офицеры охраны. На этот раз пришли новенькие; Риман ди Рот и Лардан ди Марр, оба из вспомогательных войск. Ди Борк как раз заканчивал бритье.

– Местьер комендант! – Лардан ди Марр, старший из этой пары, почтительно склонил голову. – С добрым утром и хорошего дня.

– Позавтракаете со мной? – спросил ди Борк.

Офицеры переглянулись. Предложение позавтракать в пять утра с комендантом лагеря – это что-то такое, чего им еще не приходилось испытывать. Про такую традицию на «Площадке» им никто не сказал, когда их направляли сюда.

– Могу предложить овсянку на молоке, сыр, хлеб и ветчину, – сказал ди Борк, ополоснув лицо и вытерев руки полотенцем.

– Благодарим, местьер комендант, – ответил за двоих ди Марр. – Мы уже поели.

– Воля ваша. Итак? Как прошла ночь?

– Сегодня ночью охрана предотвратила побег, – сообщил ди Марр.

– О, это определенно что-то новое в жизни нашего унылого гарнизона. Любопытно. Хотелось бы услышать подробности.

– Около двух часов ночи часовой на западной стороне периметра, между складами и пустырем, заметил какое-то движение, – начал неуверенно ди Рот. – Он подал сигнал охране, а охрана тут же выпустила собак. Всего злоумышленников было четверо. Одного из них пришлось убить, еще одного сильно покусали наши псы – сейчас он в лазарете и вряд ли выживет. Двоих мы взяли, они сейчас в штрафном бараке.

– Кто они?

– Все они каторжники из предпоследней партии, – пояснил ди Рот. Юноша сильно волновался, и уши у него стали совсем красными. – Приговорены к каторжным работам за опасные преступления.

– Ты командовал охраной, лейтенант?

– Так точно, местьер комендант.

– Я упомяну тебя в рапорте, – сказал ди Борк, так и не пояснив, к благу или к худу для Римана ди Рота будет такое упоминание. – Часового, заметившего беглецов, прислать ко мне. Он заслуживает поощрения.

– Местьер комендант, – начал ди Рот и осекся, встретившись взглядом с Геннером ди Борком.

– Что еще? – Комендант направился к столу, где был его завтрак.

– Эти беглецы... Дело в том, что они не просто каторжники, местьер комендант. Среди них были два очень ценных работника. Один из них как раз и был убит охраной.

– И что дальше?

– Один из двух арестованных – старшина каменщиков, местьер комендант.

– Он хороший старшина?

– Я говорил с главным инженером стройки, господином Эйваном ди Брином. Он очень озабочен судьбой этого человека и просил меня...

– А почему ди Брин сам не пришел ко мне? – спросил ди Борк.

– Этого я не знаю, местьер комендант.

– Ты ведь племянник ди Бриана, не так ли?

– Да, местьер комендант.

– И господин ди Брин просил тебя вступить за беглеца, потому что он очень хороший строитель, и из-за этого я должен быть милосердным к беглецам, верно?

– Вероятно, местьер комендант, – ди Рот облизал пересохшие губы.

– Господа, вы ставите меня в неловкое положение, – сказал ди Борк, придвинув к себе тарелку. – Мне неудобно есть одному. Может, все-таки присоединитесь?

– Местьер комендант, я сыт, – сказал ди Марр. – Приятного аппетита!

– И я сыт, – добавил лейтенант ди Рот.

– Я не надсмотрщик, – сказал ди Борк, нарезая на тарелке ветчину. – Я военный, и вы прекрасно знаете, господа, что я никогда не работал в исправительных учреждениях. Но я неплохо знаю законы. И я помню параграф 97 Закона о каторге, принятого в правление божественного Ведды. Что говорит этот параграф, Лардан?

– Кажется, что-то о наказании за побег.

– Верно. Параграф гласит, что любая попытка побега с каторги, – а твой старшина каменщиков, лейтенант, прежде всего каторжник, а уж потом знаток строительного дела, – должна караться смертью. Это говорю не я, так записано в законах божественного Ведды. Будем обсуждать законы или выполнять их, господа?

– Выполнять, – поблднев, ответил ди Рот.

– Отлично. Тогда слушай приказ, лейтенант: сейчас же отправляйся в пересыльную тюрьму и доставь мне четырех человек взамен выбывших. Постарайся, чтобы среди них был человек, соображающий в строительстве. Пусть он не такой дока, как этот твой горе-мастер, но это невелика беда – твой дядя обучит его. И еще, попроси начальника тюрьмы одолжить мне на пару часов городского палача. Все ли понял, лейтенант?

– Да, местьер комендант.

– Тогда ступай.

Риман ди Рот поклонился, шелкнул каблуками и вышел. Геннер ди Борк показал ди Марру на стул, потом придвинул к себе горшочек с овсянкой.

– С ди Брином у меня будет отдельный разговор, – сказал он. – Так беззастенчиво подставлять родственника из-за какого-то каторжника!

– Вероятно, этот малый действительно талантливый работник.

– И ты туда же! У нас на площади в восемь тысяч акров собрано шесть тысяч негодяев. Они спят и видят во сне, как бы нас всех перерезать и сбежать со стройки, чтобы вернуться к своему кровавому ремеслу. Стоит простить хотя бы одного из них, и вся остальная сволочь будет думать, что им все позволено, что им все сойдет с рук. Сегодня ди Брин уговорит меня простить одному из них побег. Завтра он уговорит меня простить другому нападение на охранника. А послезавтра нас перебьют без всякой жалости. Закон – это закон, Лардан. Хороший ли он, плохой ли, но его следует соблюдать. Я найду другого работника. А этот сегодня утром получит то, что заслужил. И второй уцелевший тоже. Их казнь станет хорошим наглядным уроком для остальных.

– Как знаете, месьер комендант.

– Поверь мне, Лардан, я знаю, что делаю. В Хэнше под моим командованием были наемники из Таории, Гормианы и Ворголы. Семьсот мерзавцев и живодеров, по каждому из которых петля плакала. Они считали, что им все позволено. Я думал по-другому. Наши мнения не сошлись, и мне пришлось доказывать, что мое мнение правильное. Доказывать силой. Я отправил на перекладину трех или четырех самых буйных и диких, и остальным пришлось становиться воинским подразделением, а не шайкой воров, насильников и убийц. И они им стали, и дисциплина в моем батальоне была образцовая. Мне поручено обеспечить успешное окончание строительства храма в честь нашего императора, и я выполняю волю императора, даже если ради этого мне придется казнить сто человек!

– Понимаю, – произнес ди Марр. – И поддерживаю вас, месьер комендант. Я целиком на на вашей стороне.

– Я в этом и не сомневался. Ты хороший офицер.

– Благодарю, месьер комендант.

– Когда вернется ди Рот, – а вернется он, я полагаю, через час, – все рабочие должны быть построены. Я сам буду с ними говорить. Подготовь приказ по беглецам. Я подпишу его сразу после завтрака.

Надежда Уэра ди Марона не оправдалась. Ложась спать накануне вечером, он в душе надеялся, что кошмар, в котором он неожиданно оказался, закончится утром с пробуждением, что отец найдет способ вытащить его из тюрьмы, или же случится еще какое-нибудь чудо. С этими надеждами он и заснул, вернее, провалился в тяжелое забытие. Пробуждение оказалось совсем не таким, о каком он мечтал – его и странного старика, разделившего его судьбу, подняли с нар еще затемно и повели куда-то, ничего не объяснив. Ди Марон напрасно пытался заговорить с охранником, но с таким же успехом он мог пытаться разговаривать с камнями, которыми был вымощен тюремный двор. Их привели в небольшую комнату на первом этаже здания тюремной администрации, где уже ждали два человека – один в светском платье, другой в форме императорской полиции.

– Кто ты? – спросил офицер ди Марона.

– Поэт, – ответил ди Марон. – Я сын Каса ди Марона, поставщика самого божественного императора.

– И вор в придачу, – добавил человек в штатском; это был личный секретарь коменданта тюрьмы.

– Поэт мне не нужен, – холодно сказал офицер. – А воров у нас и без этого мало достаточно. А ты, старик? Кем ты был до того, как попасть в катажку?

– Каменщиком, месьер офицер, – ответил ди Брай.

– Хвала Единому! – Ди Рот не мог скрыть радости. – Тебя я забираю с собой. А поэта верните опять в камеру.

– Секундочку, – внезапно сказал старик к величайшему удивлению офицера, который хорошо усвоил, что заключенный имеет право говорить только тогда, когда ему позволено это делать. – Я бы просил тебя забрать и этого парня.

– Что? Я не ослышался, старик? Ты, кажется, забыл, кто ты и где ты находишься.

– Увы, нет, месьер офицер. Но этот парень мне нужен. Он мне очень нужен. Если тебе нужен хороший каменщик, выполни мою просьбу. Скажешь, что этот мальчик – мой подмастерье.

– Мой ответ – нет!

– Я никуда не пойду, – ди Брай плюнул себе под ноги к ярости офицера, к величайшему изумлению тюремного чиновника и к восторгу ди Марона.

– Спятил, старик? – Риман ди Рот с трудом сохранял самообладание. – Или считаешь, что твоя наглость сойдет тебе с рук?

– Тебе нужен я, – вполголоса сказал старик, глянув на офицера. – Именно я, и никто другой.

В этот миг молодой офицер внезапно испытал странное чувство. Его гнев на этого старого наглеца куда-то исчез. И в самом деле, а почему бы в придачу к старику не взять этого молодого хлыща? Комендант велел взять в тюрьме четверых взамен беглецов – следовательно, двое у него уже есть...

– Наглый пес! – выдохнул он. – Твое счастье, что ты умеешь делать то, чего не умеют делать другие мерзавцы, подобные тебе... Секретарь, запиши, что этого молодца я тоже забрал с собой. И еще тех двоих, которые сидят в восьмой камере – на вид они здоровы, и рожи у них не такие тупые, как у остальных.

– Благодарю, месьер офицер, – Ди Брай почтительно поклонился лейтенанту и подмигнул Уэру ди Марону. – Обещаю, что вы не пожалеете о том, что взяли моего друга с собой.

– Я-то, может, и не пожалею, – со злорадной улыбкой ответил ди Рот, – а вот сопляк может и пожалеть.

– Все может быть, – сказал ди Брай и снова поклонился.

Внизу, на пыльном плацу, бригадиры выстроили все шесть тысяч каторжников – плотную серую человеческую массу, поделенную на правильные колонны. Одна колонна – один отряд. Вполне по-военному, и выглядит так, что не оскорбляет взгляд офицера. Ди Борк с балкона следил за построением, оперевшись ладонями на парапет. Ди Марр и ди Рот стояли за его спиной. Остальные офицеры охраны были внизу, у четырехугольного помоста высотой в пять футов, спешно сколоченного из строительных досок прямо под балконом дома коменданта.

Солнце вот-вот должно было взойти. Ди Борк следил за тем, как светлеет небо на востоке и с удовлетворением отметил, что колокол на сигнальной башне «Площадки» пробил в тот самый миг, когда первый луч восхода просиял над крышами Гесперополиса. Теперь можно было начинать развод.

– Лардан, командуй! – приказал он молодому офицеру.

Обычно развод начинался с переклички – ее проводили бригадиры. На этот раз перекличку начал Лардан ди Марр. И начал ее с имен четырех беглецов. Плац ответил молчанием – все уже знали, что произошло ночью. И все догадывались, что должно произойти на их глазах с минуты на минуту.

Двух арестованных вывели под конвоем из барака, в котором располагалась комендатура. С ними был городской палач – невысокий коренастый человек в черном. Беглецов подвели к помосту, потом офицер, командующий процедурой, взял за руки, скованные наручниками, старшего из двоих приговоренных – это за него безуспешно пытался ходатайствовать перед ди

Борком главный инженер строительства, – и втащил его на помост. Бывший старшина каменщиков был спокоен; видно было, что это хоть и преступник, но человек большого мужества.

– Плац, слушать меня! – заговорил Геннер ди Борк. – Этой ночью четверо пытались бежать. Один из них уже заплатил жизнью за свою глупость. Еще один сейчас в лазарете и ответит за свое преступление, как только силы вернутся к нему. Эти двое, Долинс по прозвищу Штырь, бывший старшина каменщиков, и Кебрис по прозвищу Карта-в-Рукаве, бывший рабочий бригады каменщиков, будут наказаны немедленно, как и полагается по закону. Поскольку император и законы Лаэды дают мне право выносить приговор, я с болью в сердце выполняю свой долг. За попытку бегства из места отбытия заслуженного и наложенного справедливым судом наказания, ты, Долинс-Штырь и ты, Кебрис-Карта-в-Рукаве, будете казнены немедленно и публично. Палач, выполняйте свой долг!

До младшего из осужденных, Кебриса, наконец-то дошло, что происходит, и он с воплем рванулся с места, пытаясь добежать до толпы заключенных и затеряться в ней. Однако стражник, стоявший рядом, среагировал быстро, ударил его в спину древком алебарды, и бедняга рухнул в пыль. Над плацем пронесся ропот, похожий на угрожающий вздох ветра.

– А вдруг случится бунт, месьер комендант? – шепнул Лардан ди Борку. – Мы их не остановим.

– Не будет никакого бунта. Увидишь. Люди обожают наблюдать за убийством себе подобных.

Палач снял наручники с Долинса, по обычаю поклонился ему, на что бывший старшина каменщиков ответил церемонным поклоном. Это была старая традиция приговоренных к смерти, неведомо кем и когда заведенная. А потом палач взял в руки орудие казни из рук своего помощника, поставил приговоренного на колени и посмотрел на ди Борка. Комендант кивнул. В следующую секунду железный ломик обрушился на шею несчастного каторжника, и Долинс мешком повалился на помост, так и не вымолвив перед смертью ни единого слова. Потом на помост втащили вопящего и упирающегося Кебриса, и все повторилось заново.

– Разойтись, – приказал ди Борк, и по плацу снова прокатился глухой ропот. А потом бригадиры повели свои отряды на работу, к гигантской площадке, где строилось величайшее за всю историю Лаэды сооружение – храм живому богу Шендрегону.

– Ты видел? – запинаясь, спросил у старика ди Марон; его трясло, колени ослабли, желудок, казалось, вот-вот вылезет изо рта. – Единый, да что же это такое?!

– Ничего не бойся, – ответил ди Брай. – Держись поближе ко мне, и все у тебя будет хорошо.

– Это что, твой петушок? – вдруг спросил старика один из каторжников, плосколицый детина со странными остроконечными ушами, как у собаки или у сида. – Может, дашь с ним побаловаться, дед? Мы тебе заплатим, как положено. И тебе корысть, и братве удовольствие.

Каторжники загоготали. Ди Марон от страха и стыда втянул голову в плечи, но старик оставался невозмутимым, будто находился не среди последнего отребья, а среди лучших друзей.

– Лучше вспомни, сынок, о том, что увидел минуту назад, – ответил он. – И задумайся над своей жизнью.

– Это ты о чем, дед? – не понял плосколицый.

– О том, что твоя жизнь скоро прервется, а ты думаешь о греховном. Настрой свои мысли на покаяние, и ты увидишь ворота рая.

– А ты что еще за святоша, мать твою? – разозлился плосколицый. – У нас жрецов и их подпевал ой как не любят. Глядишь, поутру проснешься аккурат с пером под ребрами.

– Ты мне угрожаешь? – спокойно спросил ди Брай.

– Да так, предупредил. Ты у нас дедуля образованный, стал-быть, понятливый. А про предложение наше ты не забудь, – плосколицый глянул на ди Марона и зачмокал языком под хохот каторжников. – Оченна хочется такого вот свеженького व्यюноша поймать!

– После работы потолкуем, а пока топай на работу, ушастый. Что-то я не расположен с тобой трепаться, – ответил ди Брай и крепко сжал руку поэта.

\* \* \*

Инженер ди Брин с недоверием оглядел новеньких. Для начала спросил, где работали, когда, кто руководил строительством, потом перешел к делу. Храм божественного Шендрегона должен быть готов ко дню рождения императора, через шесть месяцев. Это значит, что каменщики, – а их на строительстве полторы тысячи, – должны укладывать в день не меньше пятисот тысяч штук кирпича. Такое даже вообразить трудно, а сделать и того труднее.

– Не вижу в этом ничего особенного, – пожал плечами ди Брай. – Мне приходилось видеть и не такое. Не думаю, что тот парень, которому сегодня сломали шею на эшафоте, укладывался в сроки.

– Что ты за отгадчик такой? – Главный инженер со злобой глянул на старика. – Разговор окончен. Ступай на первую площадку, там сегодня кладут внешнюю стену. К обеду стена должна быть выложена до середины. Сам проверю. Ступайте!

Идти пришлось долго. Стройка занимала вершину одного из холмов на западной окраине Гесперополиса, рядом с Торговым городом. Два месяца каторжники копали громадный котлован, потом заливали фундамент. К вершине холма вели четыре широкие дороги по каждому из склонов. Наверх шли рабочие, ломовые кони тянули телеги, груженные кирпичом, известью, щебнем, деревянными щитами, досками, строительными инструментами. Размах стройки поразил ди Марона, который никогда ничего подобного не видел. Ферран ди Брай был равнодушен.

– Какой размах! – восклицал ди Марон. – Каким же великолепным будет этот храм, когда его построят!

– А нужен ли он? – сказал ди Брай. – Молодой глупец и его придворные подхалимы затеяли эту стройку, чтобы ублажить свое тщеславие. Этот храм будет построен на костях людей.

– Тихо! – Ди Марон похолодел от страха. – То, что ты сейчас сказал...

– Знаю, за это нас четвертуют. Но ты не бойся, никто ничего не услышал.

– Вокруг полно людей. Следи за своим языком.

– А ты труслив, – усмехнулся ди Брай. – Вот уж не думал, что придется иметь дело с трусом!

– О чем ты?

– Неважно... Что-то надоело мне топать по этой дороге. Пошли, сядем на телегу.

– А можно ли?

– Опять боишься? Не бойся. Я как-никак старшина каменщиков, а тебя они принимают за моего возлюбленного. Значит, нам многое позволено. Вон и телега идет... Эй, любезный, погоди-ка! У тебя тут местечко есть в телеге. Запрещено, говоришь? Плевать я хотел на запреты! Меня приговорили к каторге, но ни один сучий судья не осудил меня топтать на каторжные работы на своих собственных ногах. Так что не болтай и трогай, сдастся мне, что мы уже опаздываем...

– Тасси, что с тобой?

– Со мной? – Тасси зажмурилась, провела пальцами по груди императора. – Я просто задумалась о своем, государь. Простите меня.

– Нам показалось, что в твоих глазах появился страх, – Шендрегон погрузил лицо в золотистые кудри наложницы, жадно вдыхая их сладковатый дурманивший аромат, потом повалил девушку на спину, глянул на нее сверху. – Неужели наше величие так пугает тебя, Тасси? Или есть другая причина? Говори, мы хотим слышать.

– Государь, я всем обязана вам. Даже жизнью своей. И ваше величие не пугает, а восхищает меня. Я боготворю вас. Каждый раз, когда отдаю вам свою любовь, я не могу поверить своему счастью.

– Что же тебя напугало так, если мы прочли на твоём лице страх?

– Смею ли я высказывать моему возлюбленному богу глупые мысли жалкой наложницы?

– Не смей так себя называть! – Шендрегон с неожиданной нежностью припал к губам Тасси, потом начал целовать ее плечи и грудь. – Клянусь величием моего дома, ты не простая наложница. Ты бриллиант, волшебный талисман. Наша жизнь была бы пуста без тебя, потому что... потому что ты...

– Люблю своего господина, – закончила Тасси и со звонким смешком опрокинула юношу на спину, легла на него сверху, прижимаясь к нему всем телом. – Так люблю, что готова умереть за него еще раз.

– И мы тебя снова вернем к жизни, – прошептал Шендрегон. – Ничто нам не дорого в этой жизни так, как ты. Сколько раз ты уйдешь от нас, столько раз мы сделаем все, что в нашей власти, чтобы тебя вернуть. Знаешь, о чем мы иногда думаем?

– О чем же, возлюбленный мой бог?

– О том, что мы бы согласились провести с тобой рядом долгие-долгие годы. Только мы вдвоем, и никого рядом. Смешно сказать, но мы даже иногда мечтаем о жизни в горах, наедине с природой и с тобой. Как ты думаешь, из нас получился бы хороший пастух, пахарь или дровосек?

– Бог не может быть пахарем, – Тасси поцеловала руку юноши. – Бог должен сиять с неба, даря всем свое тепло. Государь уже стольким людям вернул радость бытия, что вся страна прославляет его имя. А больше всех я его прославляю!

– Ты слишком любишь нас, Тасси, – сказал Шендрегон, и глаза его загорелись.

– Всей душой, – шепнула Тасси.

– И все же мы видели в твоих глазах страх, – упрямо повторил Шендрегон.

– О государь! – Тасси засмеялась, но глаза ее не смеялись. – Это всего лишь сон. Страшный сон, не более того. Я вспомнила его, и мой страх снова прорвался наружу.

– Расскажи нам свой сон. Мы желаем слушать.

– Смею ли я занимать внимание моего господина своими рассказами?

– Ты сказала, что сон твой был страшным. А мы любим страшные истории.

– Как угодно государю, – Тасси встала с ложа, набросила расшитый атласный халат и отпила глоток венарриака из чаши на столике у постели. – Я не очень хорошо помню все подробности, но во сне меня преследовали. Преследовал мой враг.

– Враг? У такого ангела, как ты, не бывает врагов.

– Враги есть у всех, государь. И еще ужаснее то, что нашими врагами часто оказываются те, кого мы любим.

– Мы не понимаем. Что ты имеешь в виду?

– Вспомните Вирию, государь. Вы одарили ее своей любовью, а она отплатила вам неблагодарностью и неверностью.

– Не напоминай нам о ней! – Император переменялся в лице. – Придет час, и эту мерзкую потаскуху бросят к нашим ногам, и мы будем судить ее. Она заплатит нам за свое предательство!

– Значит, я несчастнее вас, государь. Мой враг – всего лишь призрак, который не подвластен вашему суду.

– Твой враг? Ах да, это же сон! Сны нам пока не подвластны.

– Вот поэтому мне и страшно, государь. Враг, приходящий из страны снов, иногда может быть опаснее любого другого.

– И кто же он, твой враг?

– Сейчас он тень, а когда-то был человеком. Я видела его во сне – он был где-то рядом, шел за мной, и сердце мое сжималось от страха. Я чувствовала его присутствие, но ничего не могла сделать. – Тасси в театральном ужасе схватилась руками за голову; ее прекрасное лицо исказила гримаса отчаяния. – Я знала, что он преследует меня уже много-много лет и ничего не могла с этим поделать. Мой враг стремился уничтожить меня. А потом я проснулась и увидела того, одно прикосновение которого возвращает к жизни даже умерших – моего бога и императора. И кошмар мой исчез без следа.

– Какая глупость! – Шендрегон взял наложницу за руку, привлёк к себе. – И это вызвало твою печаль? Бедная девочка! Мы осушим слезы на твоих глазах. Мы сильнее вздорных видений. Мы – это Свет и Жизнь. А потому давай предадимся любви и забудем о пустых страхах. Люби нас, Тасси, и ты при жизни познаешь блаженство. А мы будем ценить тебя, потому что нет в нашем окружении никого, кого наше сердце желало бы более, чем тебя! О, мы снова видим это выражение в твоих глазах! Опять ночные страхи и призрачные незнакомцы?

– Нет, государь, гораздо хуже, – Тасси улыбнулась. – Мне вдруг показалось, что я увидела в ваших великолепных кудрях седой волос. Но я, хвала Божественному, ошиблась. Любите меня, государь, и пусть я забуду о моих страхах!

Обед для рабочих привезли после полудня. У телеги сразу собралась громадная толпа – каторжники толкались, отпихивали друг друга, стремясь побыстрее получить из рук раздатчиков тарелки с супом и куски хлеба. Ди Марон так устал за истекшие несколько часов, что сил стоять в очереди у него не было. Поэт все утро носил в ведрах раствор для каменщиков, и теперь у него ломило спину, а руки просто горели от напряжения. Старый Ферран ди Брай поэтому забрал и порцию ди Марона тоже. Раздатчик вручил ему тарелки с едой и хлеб. Варёво выглядело очень аппетитно, но ди Брай понюхал его – и помрачнел.

Они устроились под большим навесом, где уже уплетали горячий мясной суп полсотни рабочих. Ди Марон привстал, чтобы забрать у ди Брая свою порцию, но старик внезапно шепнул ему на ухо:

– Не ешь!

– Чего? – Ди Марон непонимающе посмотрел на ди Брая. – Что еще за дьявол?

– Сказано – не ешь! Я заберу твой обед.

– Ты что, с ума сошел? Я голоден!

– Потом объясню. А сейчас ступай к бочке и принеси воды.

Ди Марон под насмешливыми взглядами каторжников вышел из-под навеса и поплелся к бочке. От злости и голода у него появилась дрожь в животе. Чтобы хоть немного заглушить голод, поэт влил в себя несколько кружек воды, но ему стало еще хуже – начало мутить. Когда он вернулся под навес, старик уже покончил с супом.

– Воды принес? – спросил он.

Ди Марон молча протянул ему кружку. Ди Брай прополоскал рот, потом жадно выпил воду.

– Идем! – велел он юноше.

Поэт покорно поплелся за стариком. Поведение ди Брая было ему непонятно и даже раздражало его, но как бы то ни было в этом старом безумце сейчас вся его опора. Возможно, сегодня вечером весь этот ужас кончится – отец уже наверняка знает о том, что случилось с его сыном, и, конечно же, сделает все, чтобы вытащить его из этой преисподней. И тогда он вернется домой, а старый дурак останется здесь, с каторжниками. Сам виноват – никто



его за язык не тянул, не заставлял признать соучастие в ограблении библиотеки! Только бы отец его вытянул, а там все будет по-другому. Такой урок не пройдет даром. Надо хотя бы один день испытать на своей собственной шкуре все прелести тюрьмы и каторжных работ, чтобы всю оставшуюся жизнь свято соблюдать законы! Теперь отцу не надо будет читать ему нравоучения – тому, кто видел ад своими глазами, нет нужды слушать того, кто предостерегает идти дорогой в этот самый ад. Единый, только бы отец сумел что-нибудь для него сделать! Только бы вернуться домой!

– Сядь вон там и жди, – ди Брай показал поэту на сложенные штабелями доски под свежестроенной стеной. – Я скоро приду.

Он и впрямь вернулся через несколько минут и вручил ди Марону какой-то предмет, завернутый в кусок холста. Поэт развернул сверток и увидел краюху ячменного хлеба, кусок копченой колбасы и луковицу.

– Я съел твой обед и взамен даю это, – пояснил ди Брай. – Ешь, пока не объявили сигнал к началу работы.

– Ферран, ты... – Юноша впервые назвал своего странного опекуна по имени. – Где ты это, чума тебя возьми, достал?

– Если есть деньги, можно достать все, что угодно. А я сумел спрятать от охраны в тюрьме десяток галарнов. – Ди Брай показал юноше деньги. – Возьми эти монеты и хорошенько спрячь. Клянусь Единым, они тебе очень понадобятся.

– Но это твои деньги!

– Они мне ни к чему. Ешь же, времени мало!

Ди Марон с готовностью набил рот хлебом и колбасой, а старик тем временем уселся на доски рядом с ним и погрузился в дремоту. Его, казалось, больше ничто не заботит. Пока молодой человек насыщался, ди Брай не проронил ни звука. Молчание он нарушил только после того, как ударили в колокол, возвещая об окончании обеденного перерыва.

– Поел? – спросил он юношу. – Пошли, работа ждет.

– Спасибо, Ферран, – поэт подкрепил свою благодарность учтивым поклоном. – Ты очень добр ко мне. Чем я могу тебе отплатить за доброту?

– Только своим послушанием. Сейчас мы придем на площадку, и ты снова начнешь таскать ведра с раствором, а я класть кирпич. Мы же как-никак осужденные.

– Вот этого-то я и не пойму, Ферран, – не выдержал ди Марон. – Какого дьявола ты наговорил на себя? Я тебя не знаю, и тебя не было в библиотеке колледжа. Зачем тебе все это было нужно? Почему ты заботаешься обо мне? Ведь ты меня специально искал, признайся – ты ведь меня искал, да? Ты хотел заплатить за меня этому скоту трактирщику, отправился за мной в тюрьму, теперь заботаешься обо мне. Кто ты, старче? Святой или демон? Может, объяснишься наконец?

– Сейчас некогда объясняться, – Ферран стряхнул мелкую белую пыль со своих штанов, обмахнул носовым платком сапоги. – Нас хватятся, и комендант нас накажет. Идем работать!

– Не сойду с места, пока не скажешь, в чем дело! – воскликнул ди Марон, топнув ногой. – Я должен знать, кто ты и чего от меня хочешь! Предупреждаю тебя, что я не из тех мужчин, которые сносят домогательства других мужчин.

– А кто тебе сказал, что я тебя домогаюсь? – спокойно спросил старик. – Не беспокойся, я не интересуюсь мальчиками вообще и тобой в частности. У меня к тебе совсем другой интерес. Но сейчас не место и не время все тебе объяснять. Если ты не будешь вести себя как нетерпеливый идиот и не будешь создавать нам проблемы, обещаю, что сегодня же вечером все тебе расскажу.

– Ага, нашел дурака! Тебе просто нечего мне сказать. И вечером ты опять найдешь повод уйти от разговора.

– Не найду. Потому что сегодняшний вечер будет последним.

Ди Марон с недоумением посмотрел на старика.

– О чем ты, Ферран? – спросил он.

– Я уже сказал тебе, что это долго рассказывать. Идем, нас ждут. Я не хочу, чтобы какой-нибудь кретин нарушил мои планы, разлучив нас с тобой этим вечером. Поэтому работай хорошо и наберись терпения. Если боги нам улыбнутся, завтрашний рассвет ты встретишь на свободе.

Джел ди Оран, как всегда, вошел без стука. Тасси, облаченная в платье из гофрированного льна, полулежала на диване; ее дивные золотистые волосы были распущены, драгоценные украшения искрились на шее, руках и щиколотках. Мальчик лет четырнадцати, устроившись на подушках рядом с диваном, наигрывал на кантере<sup>1</sup> что-то очень мелодичное и печальное. Джел сделал мальчику знак рукой, и юноша тут же перестал музицировать и встал, чтобы уйти. Однако Тасси, в свою очередь, велела мальчику остаться.

– Поиграй еще, Гораин, – велела она. – Твоя игра восхитительна.

– Тасси, нам надо поговорить, – не выдержал канцлер. – Поговорить наедине.

– Гораин умеет хранить секреты, – с улыбкой сказала Тасси.

– Очень хорошо. Но я буду говорить о делах государственной важности. Если о нашем разговоре станет кому-нибудь известно, я точно буду знать, кого мне отправить на плаху.

– Ступай, Гораин, – не скрывая раздражения, велела блондинка. – Придешь, когда месьер Джел уйдет.

– Я знаю об этом чужаке, Тасси, – сказал канцлер, едва мальчик вышел, – И я жду объяснений. Кто он?

– Ты ревнуешь? – Тасси сменила позу так, чтобы разрез на платье целиком открыл взгляду ди Орана ее восхитительные бедра. – Не ревнуй. Мне нужен мой воин из-за круга. И я его нашла. Этот юноша просто прелесть.

– Я не намерен делить тебя еще и с ним. Ты начинаешь пренебрегать пророчествами.

– В пророчествах не сказано, что я должна лишиться себя мужского общества и томиться неудовлетворенными желаниями, – резко сказала девушка. – То, что я делаю, я делаю именно потому, что этого требуют от меня пророчества. Этот воин мне нужен.

– Ты говорила, что с открытием Вторых врат на престол взойдет новый император. Вторые врата открыты.

– Время еще не пришло. Сегодня наступает ночь, которой я давно жду. Этой ночью возвращенные станут хозяевами Гесперополиса. Все наши враги будут уничтожены. А дальше вся Лаэда покорится мне, Деве-из-Бездны. Вот тогда и придет твой час, Джел. Именно тогда империю должен будет возглавить император-тавматург – ты, Джел. Ты поможешь мне установить вечное царство Заммека и наконец-то объединить миры. Но еще мне понадобится этот воин, которого я привела из-за круга. – Внезапно Тасси рассмеялась. – Ты знаешь, он очень странный. Он похож на одержимого. Он принимает меня за святую и клянется мне в вечной преданности. Но он именно тот витязь, который одолеет нашего врага и принесет нам победу. Когда же мы покончим с нашими врагами, ты узнаешь, какой ласковой и нежной может быть счастливая и благодарная Арания Стирба!

– Но пока ты предпочитаешь не посвящать меня в свои замыслы. Почему?

– У тебя сложилось неправильное впечатление. Я ничего от тебя не скрываю. О том, что я собираюсь открыть Вторые врата безмолвия, я говорила тебе давно. Чего же ты от меня хочешь? Если я не сказала тебе об этом молодом воине, то лишь потому, что мне хотелось как следует его узнать, попытаться завладеть его душой и сделать своим оружием в нашей войне.

---

<sup>1</sup> Кантера – восьмиструнный музыкальный инструмент, род лютни.

Сегодня я говорила с императором. Его величество соизволил провести со мной ночь и был необычайно ласков.

– Могла бы мне об этом не говорить, – буркнул ди Оран.

– Император целиком на нашей стороне. Он не понимает и не может понимать, что происходит, но его божественные способности кружат ему голову. Он ведь всерьез полагает, что это от него исходит воскрешающая сила! – Тасси впервые с начала разговора с ди Ораном засмеялась. – В нас он видит всего лишь преданных слуг, а во мне еще и восхитительную любовницу, которую он обожает. Согласись, Джел, что до сих пор я служила и служу тебе верой и правдой.

– Скрывая от меня свои замыслы?

– Делая все за тебя, – Тасси сверкнула глазами. – Если бы не я, ты не стал бы канцлером. Если бы не я, император не стал бы нашим орудием. Знаешь, что он мне сегодня обещал? Начать войну с горцами Хэнша. Тебе осталось только заранее заготовить эдикт, к которому наш юный бог приложит свою печать. Мы получим войну, которая нам нужна – возвращенные наконец-то смогут восстановить Силу, необходимую им для решающей битвы. А я смогу открыть оставшиеся врата.

– Война может подорвать любовь народа к императору.

– Да, если она будет неудачной. Но она будет победоносной, даже не сомневайся. На нашей стороне вся мощь магии Заммека, магии Луны и Крови. Дракон не может нам противостоять – он всего лишь ребенок. Пройдет еще очень много времени, прежде чем он обретет настоящую мощь. Мы к тому времени уже откроем все врата безмолвия, и старый миропорядок рухнет окончательно. Боги будут посрамлены, им останется лишь смириться с тем, что миры поменялись местами, и тогда Заммек будет править на земле, но делать это через нас с тобой – мы станем его наместниками. Осталось совсем немного, Джел. Сейчас ты должен доверять мне как никогда. Иначе мы ничего не добьемся. Или ты со мной, или ты разрушишь тот союз, который уже помог отомстить тебе за отца и брата и стать вторым человеком в империи. Посмеешь ли ты сказать после этого, что я плохо послужила тебе?

– Тасси, я... все понимаю, – Джел взял ее за руку. – Но у тебя появилось слишком много союзников, роли которых я пока не могу для себя объяснить.

– Воин по имени фон Гриппен – мой самый большой сюрприз для наших врагов, – сказала Тасси. – Их очень удивит его появление. Они даже не подозревают, что у нас тоже есть свой воин из-за круга. И я позабочусь о том, чтобы мой воин оказался сильнее. Он будет несокрушимым и непобедимым. Посмей сказать после этого, что я зря проходила за круг!

– Не скажу. Я лишь спрошу, как тебе это удалось.

– Я – Дева-из-Бездны, Джел, – с улыбкой сказала Тасси. – Мне несложно пройти в любой из миров. А вот перетащить сюда моего рыцаря было бы невозможно, если бы не это.

Она сняла один из перстней и подала ди Орану. Канцлер с удивлением узнал в крупном зеленоватом камне, врезанном в четырехугольную печатку перстня, магический кристалл скроллингов – каролит.

– Действительно, Арания, ты полна сюрпризов, – вздохнул он. – Где ты взяла его?

– Это камень Йола ди Криффа. Последний из уцелевших камней скроллингов. И владею им я. Теперь понимаешь, почему мне не страшен дракон?

– Я восхищен тобой, моя милая!

– Верно ли? Ты пришел ко мне с совсем другим настроением. Но я не в обиде. Поцелуй меня, и я, пожалуй, больше не буду на тебя сердиться.

– С превеликим наслаждением, – Джел выполнил ее просьбу, хоть сердце его охватил могильный холод, когда их губы слились в поцелуе. Он будто упал в ледяную воду, дыхание у него перехватило, а когда сознание ди Орана прояснилось, он увидел, что Тасси уже вышла из своего покоя на огромный балкон и, встав у парапета, смотрит на закатное солнце.

– Сегодня? – спросил Джел, обняв девушку сзади.

– Сегодня, – сказала она. – Сегодня этот город будет очищен от человеческой грязи. Этой ночью наших врагов ждет возмездие. Как только взойдет луна, Гесперополис узрит, кто же пришел на его улицы из Вторых врат безмолвия. Утром это будет другой город, Джел. Город из будущего. Принадлежащий тебе и мне. Ждать осталось совсем недолго.

Инженер остался доволен. Когда сигнальный колокол оповестил стройку об окончании работы, стена была готова.

– А ты толковый малый, – сказал инженер ди Браю. – Поработаешь так еще пару недель, и я доложу о тебе наверх. Наш комендант скор на расправу, но и наградить может так, как тебе и не снилось.

– Я растроган, – с равнодушной миной отвечал ди Брай. – Только для начала я хотел бы просто выспаться.

– О чем он тебе говорил? – спросил старика ди Марон, когда они вместе с десятками рабочих шли в лагерь с вершины холма. – Я видел, он просто бисер перед тобой рассыпал!

– Предлагал мне занять его место. Тебе-то какое дело?

– Да просто спросил. Когда ты мне все расскажешь?

– Скоро. Для начала вернемся в лагерь.

У ворот в жилой сектор рядом с охраной стоял Риман ди Рот. Случайно ли он тут оказался, или ждал кого-то, но, увидев ди Браю и поэта, немедленно подозвал их повелительным жестом.

– Как тебе работалось, старик? – осведомился он. – Руки не натрудил?

– Работа как работа, – ответил ди Брай. – Все лучше, чем караулить всякий сброд.

– Ерничает, дед? – Ди Рот схватил ди Браю за подбородок, заглянул ему в глаза. – Я-то свободный человек, не то что ты, шваль тюремная! Не зли меня, тебе же лучше будет. Тебе и петушку твоему. Стоит мне слово сказать, и ты сдохнешь, как собака, на куче собственного дерьма. Хочешь, устрою?

– Только Единный знает, кто и когда отправится к нему за облака, – спокойно ответил ди Брай. – Давай попробуем вместе дожить до утра, лейтенант. Кто доживет, ставит кувшин хинта. Как тебе пари?

– Пошел вон! – со злобой ответил офицер.

Бригадир провел ди Браю и поэта в барак на краю жилой зоны. Ди Марон, следуя за стариком, несколько раз замечал, что ди Брай напряженно вглядывается во все стороны, словно стремясь запомнить, куда, какой дорогой их ведут, что где находится и прочие, одному ему понятные приметы. А еще заметил ди Марон одну удивившую его странность – свирепые волкодавы охраны при приближении старика вдруг начинали скулить и пятиться от Феррана ди Браю. Странное поведение собак заняло мысли молодого человека, но ненадолго – и минуты не прошло, как они оказались у входа в барак, в который их определили.

Здесь ди Марона ждал неприятный сюрприз. В бараке уже собралось с дюжину каторжников – столпившись у огромной перевернутой вверх дном бочки, они с азартом метали кости. Среди игроков был тот самый каторжник со странными остроконечными ушами, что зацепил их с ди Браем поутру после развода.

– Ха, глянь-ка, братва, дед-то наш навроде как и передумал! – воскликнул ушастый. – Сам сюда свою девочку привел, а? Вот это по-нашему, без жлобства! Ну что, молодой, подождем до отбоя, или прямо сейчас нас обслужишь?

– Боюсь, мы не за тем сюда пришли, – сказал спокойно ди Брай, не обращая внимания на хохот и улюлюканье каторжников. – Мы даже не подозревали, что именно в этом бараке встретим одного ушастого сукиного сына, который так и нарывался весь день на неприятности. Так что не зли меня, парень, а то, глядишь, собственную задницу придется подставлять!

– А может, сыграем? – предложил ушастый, в глазах которого загорелся дикий, едва сдерживаемый гнев. – На твоего красавчика? Кто выиграет, тот и пользуется.

– Я-то поставлю Уэра, а ты что поставишь, босяк?

– Твою жизнь. Обыграешь меня, проснешься утром.

– Надо же! – Ди Брай был спокоен, и оттого издевательский хохот уголовников, обступивших его, стих очень быстро. – Боюсь, что выбор у меня невелик. Придется играть.

– Ты с ума сошел! – зашептал ди Марон, едва не плача. – Это же шулера! Они обставят тебя в мгновение ока.

– Не обставят, – шепнул в ответ старик. – Давай, ушастый, кидай кости!

– Я тебе не ушастый, – огрызнулся каторжник. – Меня здесь называют Килле. А тебя как фартовые ребята зовут?

– Дед, – ответил ди Брай. – Просто Дед.

– Ну давай, бросай кости, Дед, – с торжеством в голосе предложил Килле.

Ди Брай сгреб кости с донышка бочки и швырнул их обратно. Лица каторжников окаменели, смех стих – у ди Брая выпало двенадцать. Ушастый Килле с трудом проглотил ком, внезапно вставший в горле, обвел сотоварищей недоуменным взглядом и в свою очередь потянулся за костями.

– Ага! – обрадовался он, когда кости упали. – Дюжина!

– Славно, – спокойно сказал ди Брай и снова метнул кости. На этот раз лицо Килле стало пепельно-серым; у ди Брая опять было двенадцать.

– Вордланы тебя забери! – выругался он, вытирая рукавом рот. – Эй, Угорь, дай-ка свои кости!

– Так нечестно, – заметил ди Брай. – По ходу игры кости менять нельзя.

– А мне плевать, что честно, а что нечестно! – ухмыльнулся Килле. Ему подали кости, и каторжник сделал свой бросок.

– Дюжина! – выпалил он, и каторжники довольно зашумели. – Счастливая дюжина, клянусь Единым!

– Славно, – Ди Брай взял кости. – Третий бросок. Играем до трех раз.

Кости со стуком упали на бочку, раскатились в стороны. Килле перестал улыбаться.

– И у меня дюжина, – объявил ди Брай.

– А ты веселый старичок, мать твою! Ну ладно, чем упорнее противник, тем слаще победа, так ведь? Придется и в четвертый раз кидать кости, Дед.

– Бросай кости, ушастый, – напомнил ди Брай.

Килле пошептал на кулак с костями и сделал бросок. Результат был встречен могильным молчанием – у Килле было одиннадцать. Ди Марон с шумом выдохнул воздух. Сердце у него, добравшееся до самого горла, начало успокоенно возвращаться на свое место.

– Проклятье, я проиграл! – обалдело проговорил Килле. – Этого быть не может! Я не должен был проиграть!

– Однако ты проиграл, – заметил ди Брай. – Так что заткни свою пасть и держись от меня подальше. Если ты подойдешь ко мне на расстояние вытянутой руки, я тебя достану и твоя немытая задница пойдет на ужин тюремным волкодавам.

Ушастый Килле исчез за спинами каторжников. Ди Брай и поэт прошли в глубь барака, поближе к окну, где воздух был свежее и вонь лагерной стирки и грязной одежды не была такой густой и тошнотворной. Здесь было несколько свободных лежаков, которые ди Брай внимательно осмотрел, прежде чем сесть самому и разрешить сесть ди Марону.

– Терпеть не могу вшей, – объяснил он. – А здесь их полно.

– Вши? – Ди Марона передернуло от отвращения. – Никогда, хвала Единому, не видел вшей.

– Твоя жизнь была на редкость безмятежной, – с иронией заметил старик. – Неудивительно, что тебя посетила идея обворовать библиотеку.

– А ты что, поучать меня задумал? Знаешь, я тебе, конечно, благодарен, но...

– Пойдем прогуляемся, – вдруг предложил ди Брай.

– Куда?

– Надо тебе кое-что объяснить. Пришло время.

– Ферран, мне осточертели твои загадки. Неужели нельзя... – заговорил ди Марон и осекся. В этой части барака царил полумрак, но лицо старика он видел хорошо. Ди Брай смотрел на поэта и улыбался. А вот улыбка была особенная. То ли ди Марон раньше этого не замечал, то ли приближение ночи сказалось, но юноша вдруг заметил, что ди Брай этой своей улыбкой демонстрирует ему не только свою симпатию. Но еще и острые длинные белоснежные клыки, каким позавидовал бы матерый волк.

– Кто ты? – прошептал ди Марон, не смея говорить громче.

– Я халан-морнах, – ответил Ферран ди Брай.

После заката весь периметр лагеря строителей храма до утра патрулировали охранники с волкодавами. Горящие факелы в их руках были видны издалека, и каторжники, которым ночью по каким-либо причинам взбрело в голову выйти из своего барака, всегда успевали спрятаться – покидать барак ночью было запрещено. Но ди Марон, следуя по темным переулкам между бараками за ди Браем, об охране не думал. Вернее, почти не думал. Встреча с охраной и ее псами-людоедами пугала его меньше, чем его жуткий сотоварищ по заключению. Он боялся ди Брая – и все равно шел за ним в темноту, потому что ди Брай велел ему идти за ним. Это могли быть чары Луны и Крови, но, скорее всего, это было простое любопытство и желание понять, что же за загадочные вещи с ним происходят. А еще ди Брай сказал, что это важно. Так важно, что никакими словами не передать.

Они вышли на пустырь за бараками. Луна скрылась за тучами, и стало совсем темно. Справа в темноте угадывалась громада строящегося храма, окруженная лесами и заборами. Впереди горели тусклые огоньки и слышался лай собак. Ди Марон остановился. Колени у него подгибались, рубаха под пропыленным камзолом промокла от ледяного пота. Все то время, которое они шли от барака до этого места, он читал охранительные молитвы Единому, и рот у него пересох, а губы вздулись и онемели. Потом ди Брай остановился и повернулся к нему, и ди Марон уловил во тьме красноватый блеск глаз халан-морнаха. Ему вдруг стало спокойнее. Ди Брай столько заботился о нем, что вряд ли будет его долго мучить...

– Не бойся, – глухо сказал старик. – Я должен был объяснить тебе все с самого начала, но у меня не было такой возможности. Только приближение ночи затмения позволило мне показать тебе мое настоящее лицо.

– Ты хочешь меня убить?

– Я не могу тебя убить, даже если бы захотел. Говоря по правде, это единственная причина, почему из множества людей я выбрал тебя.

– Я не понимаю.

– Когда я был еще ребенком, в нашей деревне произошел странный случай, – начал старик. – В одну из зим стояли такие жестокие холода, что волки вышли из лесов и начали нападать на людей. Однажды они напали на группу паломников, которые шли в Венадур. Очевидцами этого нападения стали крестьяне из моей деревни. Они видели, как волки, обезумевшие от голода, разорвали в клочья паломников. Всех, кроме молодой девушки, которая была так парализована ужасом, что даже не пыталась бежать. Она стояла в самой гуще этой страшной резни и наблюдала за тем, как волки рвут одного паломника за другим. Она ждала, что волки вот-вот набросятся на нее. Она была готова умереть и думала, что спасения не будет. Однако случилась удивительная вещь – волки, убив и сожрав всех паломников, даже не приблизились

к девушке. Они рвали останки убитых ими людей, а девушка продолжала стоять и ожидать смерти. А потом волки ушли. Крестьяне подобрали девушку и привезли ее в деревню. Об этом случае потом долго рассказывали по всей империи.

– Я не слышал эту историю, – ответил ди Марон.

– Конечно, ведь она случилась много сотен лет назад. Сочини об этом случае балладу. Она будет пользоваться успехом.

– И все же, я не понимаю тебя, Ферран. В чем смысл этой истории?

– Есть люди, над которыми не властно Зло. Оно не может приблизиться к ним, завладеть их душой. Изначальный Свет горит в их сердцах. И он отгоняет от них порождения Тьмы. Волки, которые убили паломников, не могли причинить зла той девушке, потому что она была одной из таких светоносных натур. И ты, Уэр, тоже принадлежишь к числу таких избранных.

– Откуда ты знаешь?

– Я халан-морнах. Я вижу тебя насквозь. Я ведь не случайно оказался в Гесперополисе и не просто так остановился в корчме этого жирного негодяя. Я искал тебя. Именно поэтому я пытался выкупить тебя у мерзавца, именно поэтому наговорил на себя страже и судье, чтобы вместе с тобой оказаться в тюрьме. Не удивляйся – я знал о твоем существовании. Несколько месяцев назад вышла оказия прочесть твои вирши.

– И что ты обо мне узнал?

– Лишь то, что твоя душа чиста и незапятнана Злом. Как раз такой человек и был мне нужен.

– Я – воплощение чистоты и непорочности? – ди Марон захохотал, хотя от страха у него внутри все переворачивалось. – Ферран, да что с тобой? Ты даже не знаешь, какой образ жизни я веду! Я игрок, мот, пьяница и бабник, а теперь еще и вор, приговоренный к каторге. Мой отец был прав – я позорю его, и то, что я оказался в тюрьме, справедливое воздаяние за ту жизнь, которой я жил. Лжешь ты все. Ты просто голоден, и тебе нужна моя кровь. Разве не так?

– Не так, – даже в темноте можно было понять, что ди Брай сердится. – Я покинул убежище, в котором скрывался последние годы, прошел несколько сотен лиг до Гесперополиса вовсе не затем, чтобы забрать жизнь у одного-единственного шалопая. Ты плохо знаешь меня, дружок. Ты понятия не имеешь, кто такие халан-морнахи.

– Халан-морнахи – это вампиры, – произнес ди Марон. – Разве не так?

– Так. Само слово *halan-mornah* на языке наших южных соседей ортландцев означает «не взятый смертью». Очень меткое название. Вера в халан-морнахов пошла именно из Ортланда. Сегодня в Лаэде многие не верят в то, что вампиры существуют. Но вампиры есть, и разновидностей их много. Есть вораки, есть тэрги, а еще есть халан-морнахи. Именно они всегда внушали особый ужас.

– Ничуть в этом не сомневаюсь, – пробормотал поэт.

– Я стал халан-морнахом не по своей воле. В этом мое отличие от многих подобных мне существ. Готов ли выслушать мою историю?

– Если это доставит тебе удовольствие.

– Боюсь, что эти воспоминания принесут мне только боль и горечь. Но я обязан тебе все рассказать, а ты должен меня выслушать. Потому что моя исповедь спасет множество жизней. Она спасет всю Лаэду. Выслушав меня, ты поймешь, что сегодня эта страна стоит у края бездны.

– Времени у нас много, Ферран; если не ошибаюсь, нас приговорили к пожизненному заключению, – попытался пошутить ди Марон, чтобы скрыть свой страх перед сверхъестественным собеседником. – Так что рассказывай. Надеюсь, мне представится случай переложить историю твоей жизни на стихи.

– И это будет самая печальная поэма из всех, какие когда-либо выходили из-под пера, – покачал головой ди Брай. – А все началось с большой и очень красивой любви. Когда тебе всего девятнадцать лет, любовь всегда бывает всепоглощающей и прекрасной.

– Ты влюбился?

– Безумно. Она была дочерью охотника, который построил дом в полулиге от моей деревни, в Валь-Фотэнна, Долине Водопадов. Они были пришельцами в наших краях – говорили, что охотник покинул родные края после того, как умерла его жена. Я не помню, как его звали. Впервые я увидел его на деревенском празднике в честь божественной Мерои, матери богов – тогда еще вера в старых языческих богов была сильна. А спустя несколько дней я увидел его дочь. Помню, что меня будто молния ударила. Она была так прекрасна, что и не опишешь. Мне до сих пор снятся ее глаза – большие, черные, влажные, их взгляд заставлял мое сердце сжиматься от счастья. Она улыбнулась мне, и я заговорил с ней. Знаешь, о чем я тогда думал? Что родился на свет только для того, чтобы встретить ее и полюбить. Но самое большое счастье ожидало меня дальше. Когда я признался ей в своей любви, она улыбнулась и ответила, что тоже любит меня.

Если ты когда-нибудь сильно и горячо любил женщину, Уэр, ты поймешь меня. Я при жизни оказался в солнечных садах Руанайта. Единственное, о чем я мечтал, так это чтобы побыстрее прошло время уборки урожая и мы могли бы по закону сыграть свадьбу. Ее отец поначалу смотрел на меня настороженно, но потом все-таки стал считать меня своим сыном. Да и мои родители были в восторге от моей избранницы. Ее невозможно было не любить, ее красота и ее прелесть были таковы, что один взгляд на нее наполнял сердце восторгом. Она была как темная душистая роза, как грациозная лань с бархатными глазами. Я обожал ее, я мечтал прожить рядом с ней всю свою жизнь и всей душой стремился к счастью, не ведая, какое горе и какое отчаяние вскоре найдут меня.

Слухи о войне шли давно. В нашу деревню часто приходили странники и рассказывали о зловещих знамениях и пророчествах, о том, что творится на северной границе. Я даже не удивился, когда однажды утром отец разбудил меня и сказал, что началась война с сидами. Отец не опасался, что меня заберут в армию – в нашем селе уже были вербовщики, и императорскую повинность в людях мы выполнили. Гораздо больше отец опасался фуражиров и мародеров; первые могли заплатить за провиант мало, вторые вообще ничего не платили, просто грабили и убивали. Когда живешь недалеко от границы, поневоле готовишься ко всему. Отец, бывалый человек, заранее приготовился к худшему. Часть зерна и прочего продовольствия он надежно спрятал в нескольких местах, а остатки распродав по выгодной цене. Он собирался уехать в глубь страны и увезти нас. Но когда пришло время уезжать, я отказался. Я сказал, что никуда не поеду без своей любимой. Отец долго меня убеждал, но так и не добился своего. До сих пор помню, как он сидел в углу горницы, держа на руках нашего кота, и слушал мои обвинения в трусости.

Прошло два или три дня, и в деревне заговорили о шайках разбойников, которые рыщут по дорогам, грабят и убивают проезжих. Никто не знал толком, что это за люди; одни говорили, что это сиды наняли всякий сброд, чтобы разбойничать на имперских коммуникациях, другие утверждали, что это дезертиры из имперской армии и солдаты из разбитых сидами подразделений. Вскоре женщины и дети даже днем боялись выходить из дома, опасаясь нападения, а мужчины наши днями и ночами дежурили, вооружившись чем попало. А я думал только о ней. И однажды я сбежал из дома – взял отцовскую лошадь и поскакал в Валь-Фотэнна. Я хотел увезти ее к нам. Но я опоздал.

– Что с тобой? – испуганно шепнул ди Марон. Его поразил тон ди Брая; голос старика, вначале твердый и отчетливый, изменился до дрожащего шепота.



– Прости меня. Я никогда никому не рассказывал о том, что случилось тогда, на ферме в Долине Водопадов. Я не мог этого рассказать, духу не хватало. Ты первый. Ты должен знать, иначе ты не поймешь, как было рождено великое Зло.

– Я весь внимание. Что же было дальше?

– Когда я приехал в Валь-Фотэнна, я понял, что опоздал. Во мне все помертвело, едва я увидел над лесом черный столб дыма. Не помню, как я доехал до фермы. Я даже не думал о том, что мне тоже может угрожать опасность. На дороге появились вооруженные люди – я даже не испугался. Это была, как они выразились, «свободная ватага». Командовал ими высокий зеленоглазый сид, с ног до головы облаченный в черную кожу с серебряными клепками. Он расспросил меня кто я, откуда, поинтересовался, есть ли в деревне солдаты. После допроса меня отвели на ферму. Когда я увидел, что стало с домом моей возлюбленной, сердце мое едва не остановилось от горя. Дом сгорел дотла, уцелели лишь амбар и несколько сараев вдоль забора. Я стал расспрашивать бандитов, которые вели меня, о девушке, но они меня не понимали – они были таорийцами и не знали лаэданского языка. В конце концов им надоели мои расспросы, и один из них ударил меня кулаком в лицо. Я лишился чувств и очнулся уже в сарае, на куче соломы, опутанный веревками и кожаными ремнями. Мне было плохо, очень плохо, но я все время думал только о ней. Других мыслей у меня не было.

Сколько меня продержали в сарае, я не знаю – может, несколько часов, а может, несколько дней. Я не чувствовал ни времени, ни голода, ни жажды. Наверное, я был вроде как сумасшедший. У меня были видения, я все время слышал какие-то голоса. Кровь в моей голове грохотала, как вода на колесах водяной мельницы. А потом пришел сид в черном. Он разрезал кинжалом мои веревки и велел убираться домой. Ему не нужна была моя жизнь. Он сказал мне, что не воюет с сопляками.

Я вышел из сарая, и вокруг меня была ночь. Где-то вдали стучали копыта – это уезжал из Валь-Фотэнна разбойничий отряд. А я не радовался. Внутренности у меня горели, ноги и руки не слушались меня. Я ковылял по дороге от фермы к лесу, и за каждым кустом мне чудились притаившиеся враги. А потом я услышал стоны...

– Это была она? – осмелился спросить ди Марон.

– Да, – ди Брай сделал паузу, чтобы овладеть собой и сдержать рыдания. – Они привязали ее к дереву, одинокой липе рядом с дорогой. Одежду с нее сорвали, и я мог видеть ссадины, кровоподтеки и кровавые пятна, которые покрывали ее тело. А еще они изрезали ей кинжалом лицо, потому что им была ненавистна красота. Удивительно, что после всего, что эти свиньи с ней сделали, она была еще жива. А еще – она узнала меня. Странно, что я не сошел с ума, увидев ее лицо. Оно превратилось в месиво: свисающие лохмотья кожи, безгубый рот, выбитые зубы, сплошная кора засохшей крови. Это было лицо, которое можно увидеть только в бездне Морбара. Но самое страшное было потом. Она мне улыбнулась. И еще она шептала мне что-то. Это была просьба убить ее. Просьба прекратить ее мучения.

– И ты убил ее?

– Нет, – ди Брай закрипел зубами. – Я не убил ее. Я бы никогда не смог этого сделать. Я убежал. Сказал ей, что я приведу помощь, и убежал. Я действительно думал тогда, что смогу ей помочь. Я ошибся. Когда я вернулся с людьми, она уже умерла. Ее отвязывали от дерева и укладывали на носилки, а я стоял и повторял про себя: «Я проклят! Я проклят!»

– Ты думаешь, ты поэтому и стал халан-морнахом?

– Слушай дальше. Я не сразу заметил ту перемену, которая во мне произошла. После того, как моя возлюбленная умерла, я уехал вместе с отцом из родных мест, чтобы попробовать начать жить сначала. Так прошел год, потом еще год, потом еще. А потом в том местечке, где мы поселились, началась чума. Моя семья умерла, все до единого – отец с матерью, брат и младшая сестренка. Я сам схоронил их в одной яме и уехал в Таорию. Здесь я впервые заметил, что со мной творится что-то неладное. Я работал помощником плотника и однажды сильно

поранил руку теслом. Я в панике метался по мастерской, пытаюсь разыскать подходящую тряпицу для того, чтобы перевязать рану, и вдруг с изумлением обнаружил, что рана исчезла. С момента, как я рассек руку, не прошло и минуты. Меня это испугало, я решил, что у меня началась какая-то страшная болезнь, вроде проказы. И я пошел к врачу. Он выслушал меня, странно на меня посмотрел и посоветовал пойти к одному знахарю, поселившемуся на окраине Лима. От знахаря я и узнал, какая беда меня постигла. Мой ужас был так велик, что знахарь, сжалившись надо мной, согласился мне помочь...

Тебе незачем знать о моих скитаниях. Я и сам многое подзабыл. Мое проклятие дало мне вечную жизнь, и за сотни лет я обошел весь мир и получил тайные знания, при помощи которых я рассчитывал снова стать человеком. Сейчас мне больно вспоминать о том, сколько зла я совершил, сколько загубленных жизней на моей совести. И лишь через много лет я узнал, что стало причиной моего превращения.

– Ты рассказываешь страшные вещи.

– Самое страшное впереди, Уэр. Я узнал, что моя возлюбленная вернулась из царства мертвых. Высшими силами ей дана была возможность вернуться, чтобы отомстить обидчикам, покарать насильников и убийц за совершенное зло. Моя возлюбленная вернулась из царства мертвых Аранией Стирбой, Лунной Ворожеей, предводительницей войска упырей и призраков, которое вторглось в северные земли. Древние боги дали ей власть найти своих обидчиков. И она нашла и покарала их. Всех, кроме одного. Одного она оставила в живых. Больше того, она дала ему вечную жизнь.

– Ба, какая глупость! – не выдержал поэт. – Она его простила, что ли?

– Она решила остаться в этом мире. И ради этого она обманула богов. Боги дали ей новую жизнь, чтобы совершить справедливое возмездие, но обязали вернуться обратно в царство теней, когда последний из ее врагов будет найден и наказан. Арания Стирба силой магии Луны и Крови превратила последнего своего врага в халан-морнаха. Ты понимаешь, кто этот последний?

– Но это несправедливо, Ферран! – Ди Марон вскочил, замахал руками. – Ты же ее любил, и она тебя любила! Как же так?

– Я предал ее. Я не выполнил ее последнюю волю. Я бросил ее умирать в одиночестве, не был рядом с ней в ее последние минуты. И за это я наказан. Справедливо наказан. Я заслужил это.

– Клянусь духами ночи, ну и история! Верно ты сказал, хоть прямо сейчас балладу пиши! И что ты теперь будешь делать? У тебя есть шанс избавиться от проклятия?

– Есть. И потому мне нужен ты, Уэр. Не удивляйся. Наша жизнь подчинена воле высших сил, и мы не вольны избежать того, что предопределено. Ты еще не родился, а я знал, что обязательно встречу с тобой. Я слишком долго шел к нашей встрече, сотни лет, полных боли, тоски, одиночества и страха разоблачения. Быть не живым и не мертвым, халан-морнахом поневоле – это вдвойне страшно.

– За тобой охотились?

– Охотились. Я странствовал по свету, менял одну страну на другую, и всюду повторялось одно и то же – находился искушенный маг, который вычислял меня. Что ты знаешь о халан-морнахах, Уэр?

– Почти ничего, – признался поэт.

– Твое счастье. Обычно халан-морнах – это черная сущность, проклятая душа, завладевшая чужим телом. Пока душа не имеет тела, от нее легко защититься, она боится оберегов, молитв, фимиамов, колокольного звона и даже железных предметов. Однако чем дольше такая сущность живет среди живых, тем больше становится ее сила. Преодолев границу миров, халан-морнах начинает питаться жизненной энергией живых людей. Это довольно просто сделать. Гнев, боль, злоба, ненависть и страх заставляют человека расходовать свою жизненную

энергию, vitlingae. Вампир же этой энергией питается. Почти всегда этого достаточно для черной сущности, чтобы питать ее существование в материальном мире. Если этих тварей много, они вызывают особую болезнь – сиды называют ее See Bloedan Ensanna, кровавое бешенство. Ортландцы верят, что такие черные души можно прогонять, всего лишь повесив на двери зеркала. Но иногда случается, что халан-морнах завладевает чужим телом, и тогда его мощь возрастает многократно. Инкарнированный вампир почти неуязвим. Он не боится солнца, его не одолеть ни оружием, ни талисманами. Единственное, что может уничтожить его, – это чистый огонь. Он не убивает самого вампира, но делает негодным тело, которым черная сущность очень дорожит. Именно поэтому халан-морнахи ненавидят драконов – их магия Огня и Золота глубоко им враждебна. Отличить вампира от обычного человека невозможно; такая нежить ничем не отличается от живых, может есть ту же пищу и даже вступать с людьми в любовные отношения. Чтобы избежать подозрений, халан-морнах симулирует тяжелую болезнь, человеческие пороки, вроде пьянства, и даже собственный уход из жизни. Вообще-то, некоторые находят в таком существовании особые удовольствия.

– Дьявол! Какие же могут быть удовольствия у живого мертвеца?

– Вечная жизнь, вечное здоровье, невероятная сила, власть над людьми – тебе мало? Если бы я хотел твоей жизни, ты бы уже пятнадцать раз умер. Такое могущество кружит голову. – Ди Брай вздохнул. – Это и сделало мою любимую чудовищем.

– Ты же говорил, что она всего лишь мстила за то, что с ней сделали?

– Верно. Но Арания совершила то, что не удавалось никому: она преодолела границу между мирами. Это означало, что на смену старому пришел новый миропорядок, тот, в котором магия Луны и Крови, магия халан-морнахов, нарушила сложившееся равновесие сил. В то время когда Арания со своей свитой из упырей и вордланов свирепствовала в северных землях, такое нарушение не могло сломать этого равновесия. Правда, сиды, испуганные решимостью и жестокостью Арании, со страху начали ее почитать как божество ночных кошмаров и колдовства и даже строили в ее честь кромлехи, но это не помешало им в конце концов в союзе с людьми одолеть Аранию. Ее заключили в Пустоту навечно.

– Ферран, прости меня, но я никак не услежу за твоими мыслями. Ты сказал, что у тебя есть шанс избавиться от твоего проклятия. А теперь ты говоришь, что твоя... возлюбленная заключена в какую-то Пустоту. Клянусь духами ночи, я совершенно не понимаю, в чем дело! И в чем моя роль?

– Уэр, я виноват перед тобой. Мой выбор втягивает тебя в очень опасное дело, а отказаться ты не можешь.

– Вот как? И почему же?

– Потому что твой отказ погубит всех – и меня, и тебя, и Лаэду, и весь этот мир.

– Опять темнишь, старче? Почему это мой отказ...

– Арания освободилась из заточения, – перебил его ди Брай. – Черная Принцесса Вирхейна на свободе, и тот, кто ее освободил, даже не подозревает, что он натворил. Я догадываюсь, почему такое могло случиться, – за минувшие века я прочел немало книг по магии и тавматургии. Скорее всего, этот несчастный задумал подчинить себе Аранию ради каких-то своих целей. Я даже боюсь думать о том, к чему это безумие может привести.

– Похоже, ты сам недолюбливаешь свою бывшую милашку.

– Глупец! – Ди Брай сверкнул клыками в злобной гримасе. – Моей любимой больше нет. Есть могущественный демон, свирепая и жестокая тварь, которая готовится исполнить самые жуткие пророчества, записанные в магических книгах. Я пришел в Гесперополис еще и потому, что узнал, что Арания находится именно здесь.

– Где? – Ди Марона бросило в жар от слов старика. – В городе?

– Да. Как ты думаешь, почему ваш император получил способность воскрешать мертвых? С чего это он вдруг обрел божественный дар? Несчастный обманут – рядом с ним нахо-

дится принцесса халан-морнахов, которая пока что сделала этого коронованного осла своим орудием, а очень скоро покончит с ним и будет править сама. Если это случится, не спасется никто. Вот почему ты не можешь отказаться. Если ты откажешься, то умрешь этой ночью, если согласишься – проживешь еще какое-то время.

– Это похоже на монолог Баррикано из моей недописанной моралите «Император Хейлер и семь языческих царей»: «Зачем мне мой меч, если с ним или без него я повисну завтра на крепостной стене вниз головой?» – вздохнул ди Марон. – Ты меня почти убедил, приятель. Конечно, я не буду с тобой спорить, потому что ты можешь потерять терпение и разорвать меня прямо здесь, но позволь спросить – как я помогу тебе, если я нахожусь в лагере для каторжников, где меня стережет охрана из крепких парней и свирепых псов с клыками не хуже твоих? Да меня изрешетят из арбалетов, стоит мне подойти к периметру! Или же со мной случится то, что сегодня произошло с этими двумя бедолагами, что попытались бежать. Боюсь, что с переломанной шеей или с арбалетным бельмом между ребрами я плохо справлюсь с той работой, которую ты мне поручаешь.

– Не бойся. Сегодня ночью ты станешь свободным.

– Вот как? Ты, что ли, выпишешь мне вольную?

– Не я. Арания.

– Сила Единого! Я совершенно запутался. Объяснишь, в чем дело?

– Пришла ночь, о которой говорит Книга Заммека. Ночь третьего лунного затмения. Видишь луну? Скоро ее скроет тень, и тогда мало кто спасется. Ты не знаешь, а я знаю. Вторые врата уже открыты, и скоро ад придет сюда!

– К вордланам тебя, дед! У меня зад покрылся гусиной кожей от твоих слов! Последние полчаса ты только и делаешь, что пугаешь меня разными ужасами.

– Я не пугаю. Тебе ничего не грозит, только поклянись мне, что выполнишь все, о чем я тебя попрошу.

– Хорошо. Клянусь!

– Я не слышу искренности в твоих словах.

— Клянусь своей душой! Чем еще тебе поклясться?

– Хорошо. Сейчас я пойду обратно в барак. Ты останешься здесь. Следи за луной. Как только на нее начнет наползать красноватая тень, немедленно беги в ту сторону, – и ди Брай показал рукой направление влево от горевшего в ночи одинокого огонька. – Там ты увидишь низкое одноэтажное здание из серого камня под двускатной крышей. Это кухня. Ты заберешься туда, найдешь кладовую для припасов и спрячешься в ней.

– Почему именно туда, Ферран?

– Потому что запах свежего мяса отобьет твой запах. Они не найдут тебя.

– Кто это «они»?

– Дети Ночи. Лериты.

– Какие еще, к вордланам, лериты? Что еще за новые ужасы?

— Я не шучу, Уэр. Твоя жизнь зависит от того, насколько точно ты исполнишь мои наказы. Слушай дальше; когда все стихнет, ты покинешь кухню и быстро побежишь к южным воротам. Охраны можешь не опасаться, ей будет не до тебя. Когда окажешься по ту сторону стены, сразу беги из города. Арания будет тебя искать, она чувствует, что я здесь. Между нами есть особая связь, которой я не в состоянии скрыть.

– Я все понял, – кивнул ди Марон, облизав пересохшие от волнения и страха губы. – Но что я должен сделать?

– Ты должен найти девятого императора девятой династии. Твой долг назвать ему имя.

– Чье? Единый, да будешь ты когда-нибудь говорить ясно и понятно?

– Настоящее имя Арании.

– Значит, ее зовут не Арания?

– Ее имя – настоящее имя – знаю только я, точно так же, как мое истинное имя известно только ей. Если ты знаешь предания о халан-морнахах, то наверняка слышал, как можно заставить черную душу вернуться обратно в мир мертвых.

– Дьявол, конечно! Я читал об этом – надо трижды громко произнести имя вампира в его присутствии.

– Верно, – кивнул ди Брай.

– Тогда в чем же дело? Назови мне свое имя, и я избавлю тебя от проклятия!

– Не выйдет, дружок. Мое освобождение придет только тогда, когда Арания будет возвращена обратно в царство мертвых. Поэтому в ее гибели – мое спасение.

– Единый, как все непонятно! Тогда скажи, зачем тебе возвращаться в барак? Бежим вместе! Сам все девятому императору и расскажешь.

– Это небезопасно для тебя, дружок, – сказал ди Брай. – Тебе придется делать все самому. А я останусь в Гесперополисе. Может быть, мне удастся с ней встретиться. Сделай все, что я тебе сказал, и ты спасешь множество жизней и эту страну.

– Ты не назвал мне ее имя.

– Я назову его. Ты должен хорошо его запомнить. Если имя назвать неправильно, Арании это не повредит.

– Я запомню. У меня хорошая память на имена.

– Слушай, – ди Брай наклонился к уху юноши и шепотом произнес одно-единственное слово. – Никому его не говори, кроме человека, которому предназначено его знать. Он сам тебя найдет. Так распорядится Судьба. Единственное, что тебе нужно сделать – это выжить и не забыть имя.

– Я не забуду.

– Прощай, Уэр, – ди Брай протянул руку, и юноша не без трепета ее пожал. Рука старика была, к удивлению ди Марона, горячее и совсем не похожей на руку покойника. – Вряд ли мы встретимся еще раз, но скажу честно – ты мне понравился. Помни все, о чем я говорил. И следи за луной. Скоро начнется...

– Ферран, ты... – воскликнул ди Марон и вдруг понял, что стоит среди нагроможденных каменных глыб совершенно один. Старик исчез. А миг спустя подул неожиданно холодный для летней ночи ветер, и красная тень начала наползать на луну.

## Глава третья

*«Смеешься, приятель? А зря, очень зря! Мне-то было не до смеха. Уж очень скверные были место и компания. Еле ноги унес, и счастлив, что лишь испугом одним и отделался. А о том, что видел там и слышал, лучше умолчу – все равно никто не поверит».*

*Аноним, Легенда о храбром кузнеце*

Это место было ей до боли знакомо. Это была не Пустота Вирхейна. В Пустоте не было ничего, даже света – здесь он был. Здесь были и Пространство, и Время. Она могла видеть по сторонам от себя очертания какого-то неведомого ей мира, и смутные воспоминания все больше оживали в ее памяти. Почему-то это место было ей знакомо. Она уже где-то видела эту ферму, эту дорогу, петлявшую по долине, это дерево, при виде которого ощутила боль. Ей даже показалось, что она увидела на стволе дерева следы, будто кто-то в агонии царапал его кору ногтями, темные подтеки свернувшейся крови там, где она вытекала из ран. Ее тело ощутило холод, а в душе поднялась волна страха. Таких чувств она давно не испытывала, а тут вдруг они захватили ее с небывалой силой. Ей захотелось побыстрее покинуть это страшное место, полное жутких следов чьих-то мучений. И она побежала. Так быстро, как только могла. Однако куда бы она ни бежала, дорога все время возвращала ее к старой липе, ствол которой был замаран засохшей кровью, а с нижних сучьев свисали веревки с приставшими к ним лоскутами кожи. Ей хотелось кричать, но крик не выходил из горла – он застрял в нем, как будто гортань сжали петлей.

– Ты боишься? Тебе страшно?

Она узнала этот голос. Она узнала бы его из тысячи, из сотни тысяч. Когда-то она трепетала от счастья и любви, слушая, как этот голос шепчет ей нежные признания и ласковые слова.

– Это ты, Кирнан?

– Ты не забыла мое имя? Ведь почти тысячелетие прошло!

– Я не забыла. Я повторяла его каждый день. Что ты здесь делаешь?

– Жду тебя. Мы расстались с тобой на этом месте, и я с тех пор не видел в своей жизни ни одного дня счастья. Но я не ропщу. Я был наказан по заслугам.

– Кирнан, ты веришь мне? Это не я тебя наказала. Это боги неправильно истолковали мою просьбу. Я хотела, чтобы ты жил. Они сделали так, что вечная жизнь для тебя стала проклятием.

– Ты просила за меня?

– Я знаю, что это за место. Я вспомнила. Почему ты ждал меня именно здесь?

– Чтобы просить тебя о прощении. И чтобы дать покой тебе. Мне больно видеть, во что превратилась моя любимая, мой Цветок Долины, моя лань.

– Больно видеть? Это люди сделали меня такой. Я вернулась в мир, чтобы изменить его. И я его изменю. Чего ты хочешь, Кирнан?

– Уйти с тобой туда, где душа твоя обретет покой и любовь. Там мы вечно будем вместе. Ты помнишь мое имя – это хорошо. И я помню твое. Хочешь, я произнесу его?

– Ты с ума сошел! Молчи, безумный человек! Ты все испортишь. Обещаю, что я буду с тобой, но не сейчас, не теперь. Ты ждал тысячу лет – подожди еще немного. Скоро мир будет принадлежат нам, тебе и мне, и мы соединимся, чтобы никогда не разлучаться.

– Ты ослеплена злобой и ненавистью. Откажись от всего, пойдем со мной. Я так хочу, чтобы ты стала прежней девой из Долины Водопадов! Неужели это так трудно?

– Я не прежняя девушка-простушка. Я Аина ап-Аннон, грозная Дева-из-Бездны, королева халан-морнахов, а значит, и твоя королева. Поэтому ты должен подчиниться мне, Кирнан. И ждать моего решения.

– Ты так ничего и не поняла. – Он покачал головой, и старая липа, будто подражая ему, зашелестела листвой сокрушенно и печально. – Я люблю тебя и всегда любил. Когда ты умерла, мое сердце умерло вместе с тобой. Неважно, кто сделал меня таким, каким я стал – другим бы я просто не смог быть, потому что жизнь ушла из меня. Но я знаю, как все поправить. Я знаю, как разрушить чары Тьмы, опутавшие тебя и меня. И я сделаю то, что должен сделать. Я назову твое истинное имя, то имя, которое ты носила, когда была Моей Богиней из Долины Водопадов. Вспомни, Дева-из-Бездны, тебя зовут...

– НEEEEEEEEEEEEЕЕТ!

Тасси не слышала собственного крика, но император от него проснулся. Тасси увидела его лицо – оно было испуганным.

– Что с тобой?

– Со мной? – Тасси постепенно приходила в себя. – Ничего, государь мой. Дурной сон, не более того.

– Как странно! И у тебя тоже?

– О, государь, неужели и вы...

– Нам снилось что-то очень странное. – Шендрегон нервно хихикнул. – Наверное, мы выпили слишком много шабюта. Или это полнолуние не очень хорошо действует на нас. Нам снились какие-то странные безобразные дети, которые тянулись к нам своими тощими ручками и противно пищали. Какая гадость, ты не находишь?

– Скверный сон, государь, – ответила Тасси, думая о своем.

– Позволь нам поцеловать тебя, – император тут же осуществил свое намерение. – В свете луны ты еще прекраснее, чем при свете дня. Нам пришла в голову отменная мысль: мы устроим лунный бал в следующее полнолуние. Никакого освещения, все гости нагие, а для развлечения устроим волчьи бои. Завтра же мы прикажем послать охотников на север, чтобы изловить волков покрупнее и посвирепее.

– Государь, на севере война. Непокорные волахи опять восстали.

– О, мы знаем! Джел уже говорил нам. Мы накажем их. Мы завтра же пошлем армию на север, чтобы растоптать это скорпионье гнездо!

– Государь мой, вы истинный бог и владыка.

– Еще один поцелуй?

– Еще тысяча поцелуев...

Император довольно вздыхал, когда Тасси покрывала его тело поцелуями. Накануне Шендрегон веселился, много выпил, и теперь его мужская сила никак не хотела к нему возвращаться. Тасси это устраивало – ей не хотелось близости с императором. Она думала о своем сне. Машинально лаская императора, она думала о Кирнани. И ей очень хотелось, чтобы на месте Шендрегона был сейчас ее Кирнан, ее единственная любовь, юноша из прошлого, который так сильно любил ее – и который ее предал...

– Ртом, Тасси! – прошептал император. – Мы хотим, чтобы ты делала это ртом... Давай же, сладкая! Да, вот так, именно так!

Мой сон вещий, подумала Тасси. Кирнан где-то рядом. Прежде она никогда не видела его во сне. Но это ничего уже не значит. Вторые врата открыты, и кошмары императора уже становятся явью для многих и многих в Гесперополисе. Скоро она откроет Третьи врата. Потом война на севере даст достаточно пищи для ее воинства. А пока пусть этот мальчишка думает, что он бог. Пусть считает ее всего лишь шлюхой, все назначение которой – доставлять ему удовольствие. Пусть наслаждается жизнью, которая так коротка!

Когда удовлетворенный Шендрегон уснул, Тасси поднялась с ложа и, набросив халат, вышла на балкон дворца. Внизу, в дворцовом парке шумели деревья, а красная тень затмения почти закрыла луну. Налетевший ветер нес в себе голоса – сотни детских голосов. Пока только она могла их слышать. Но очень скоро все в этом городе их услышат.

Кирнан где-то рядом. Но он не властен ее остановить. Тень не может убить тень. Только Свет это может. Кирнан не обладает Силой. В нем слишком много от обычного человека. Разве только он кому-то назовет ее имя...

Луна ушла в багровый сумрак. Внизу под окнами прошла стража. Факелы в руках воинов горели странным синеватым пламенем. За стенами Красного Чертога по улицам поползли клочья белесого тумана. В опочивальне император ворочался в беспокойном сне. Тасси почти физически чувствовала ужас, сгущающийся над городом.

– Доброй ночи, Гесперополис! – шепнула она и, протянув руки к луне, благословила тех, кто уже появился на ночных улицах.

Риман ди Рот выругался – вторая ставка была проиграна им так же бездарно, как первая. Начальник охраны, лейтенант Ниран ди Арб, с довольным смешком сгреб на свой край стола кучку монет.

– Еще одну партию, Риман? – предложил он.

– Пожалуй. Который час?

– Уже за полночь, – ди Арб посмотрел на почти прогоревший шнур в часах. – Скоро будет смена. Что-то я устал. Подумать только, мы сидим здесь без сна, а сволочь, которую мы охраняем, уже десятый сон видит.

– Сегодня последний день перед выходными, – сказал ди Рот. – Выспишься.

– Твой ход, старина.

Ди Рот взял кости и собрался было сделать бросок. Ниран ди Арб кривил губы в усмешке – он верил в свою удачу и был уверен, что останется в выигрыше. Ди Рот метнул кости.

– Восемь, – объявил ди Арб. – Похоже, ты опять в проигрыше.

– Бросай! – с досадой крикнул ди Рот.

Звук, раздавшийся за окнами домика охраны, заставил его забыть о костях. Его партнер по игре услышал звук одновременно с ним, потому что лицо ди Арба вытянулось и побледнело, а в глазах блеснул страх.

– Чрево Харумиса, что это? – воскликнул начальник охраны.

– Местьер начальник! – Солдат, появившийся в дверях, выглядел ошеломленным. – Там...там...

– Что «там»?

– Посмотрите сами!

Ди Арб схватил меч, бросился к выходу, опрокинув козлы. Монеты и кости полетели на пол. Римон ди Рот выскочил следом. Машинально отметил про себя, что вдруг стало темно – луну закрыла красноватая тень. В открытые ворота периметра вползал белый ледяной туман. И еще из тумана шел этот звук, от которого волосы на голове встали дыбом. Ди Рот никогда не был трусом, но жуткие звуки из тумана не просто напугали его – они поразили его ужасом, равного которому он не испытывал никогда.

– Проклятье! – воскликнул ди Арб, лицо которого было белым, как беленая стена кордегардии. – Там, в тумане! Видишь?

Риман ди Рот увидел. И увиденное поразило его не меньше, чем леденящий душу отвратительный вой, доносящийся из тумана. Прямо на него из белесой пелены шли три маленькие шуплые фигурки. Два мальчика, лет восьми и двенадцати, и девочка чуть постарше их, облаченная в грязные лохмотья. Она держала на руках голого малыша, которому едва исполнился год. Ди Рота поразили облик детей – они были в крайней степени истощения. Все четверо были



скорее похожи на скелеты, обтянутые кожей. Они шли, шатаясь, с трудом переставляя тонкие ноги с чудовищно выпирающими коленными суставами. Их волосы висели грязными колтунами, на высохших морщинистых лицах глаза, окруженные черными тенями, казались огромными. И они плакали – это их заунывный вой так напугал лейтенанта. Шатаясь и протягивая к ди Роту костлявые руки, дети вошли в ворота периметра.

– Вот дьявол! – Ди Рот вытер пот со лба, опустил меч. – Чтобы вас вордланы забрали, проклятые ублюдки! А ну назад! Не видите, что ли, куда прете! Здесь вам не место для прогулок! Вон отсюда, домой, пока папаши и мамыши вас не хватились.

Услышав голос офицера, дети остановились и замолчали. Они слушали его внимательно, иногда переглядываясь друг с другом. Когда же ди Рот замолчал, они снова пошли вперед, а за их спинами в тумане замаячили еще какие-то смутные тени.

– Назад! – заорал ди Рот: ужас, который внушал ему этот заунывный зловеющий плач, больше похожий на завывания шакала, сменился бешеной яростью. – Какого дьявола вам тут нужно? Охрана, ко мне! Еще шаг – и я вас зарублю! Стоять!

– Нам нужна пища, – сказал старший из мальчиков. Голос его звучал, как шорохи в темных углах заброшенного дома, и сердце ди Рота снова заледенело от ужаса.

– Нет у нас никакой пищи! – крикнул он, поднимая меч. – Назад!

– Пища есть, – сказал младенец на руках девочки, и глаза его сверкнули красноватыми огоньками в тумане. – Ты и есть пища.

Риман ди Рот пытался сопротивляться. Он вопил и рубил мечом напавший на него туман. Разум оставил его, остался только инстинкт. Вой и плач стали громче; он заглушал хриплые вопли ужаса и боли, бульканье и хруст острых зубов на костях жертв. Десятки костлявых рук вцепились в ди Рота, чтобы утащить в туман, который уже поглотил восемь охранников и Нирана ди Арба, навстречу все новым и новым существам, спешащим принять участие в трапезе.

Когда багровая тень начала наползать на луну, ди Марон поначалу растерялся. Ночь была недостаточно темная для того, чтобы, как подумалось поэту, проскользнуть мимо стражи и оказаться на свободе. Поневоле он подумал о псах-волкодавах и поежился. Однако старый халан-морнах ясно велел бежать влево, к темному зданию у подножия холма, хотя слишком велик был соблазн направиться в противоположную сторону – судя по всему, там были южные ворота лагеря.

«И попасть прямо в лапы охраны, – сказал он сам себе. – Тогда тебе уж точно крышка. Нет уж, Уэр ди Марон, будь любезен сделать все так, как сказал тебе этот самый – тьфу, не к ночи будь помянут! Плевать на все, надо идти! Оставаться здесь тоже нельзя!»

Решившись, ди Марон пустился бежать вниз, с трудом разбирая при свете потемневшей луны узкую дорогу на склоне холма и лавируя между большими камнями и набросанными по обочинам бревнами, досками и кучами строительного мусора. Риск сломать ногу был очень велик, но ди Марон об этом не думал – страх гнал его вперед лучше любой шпоры. Потом он добежал до ухоженной аллеи, обсаженной высокими тополями. В дальнем конце аллеи клубился туман. Другой конец аллеи вел к зданию, о котором говорил ему ди Брай. Ди Марон добежал до калитки – она оказалась незапертой, как и входная дверь. Случайно ли ее не заперли с вечера, или же это ди Брай постарался, поэт не знал, да это было неважно. Гораздо важнее было другое – заперев за собой дверь на засов, ди Марон смог отдышаться и почувствовать себя в безопасности.

Он вошел с главного хода. Ощупью пробрался в кухню. Здесь было чуть светлее – луна светила красноватым свечением в окна, а тут еще и клубившийся за окнами туман будто флуоресцировал, испуская белесое сияние, подобное тому, каким в темноте светятся гнилушки или болотный газ. Здесь же он впервые услышал эти мерзкие звуки – то ли плач, то ли стон,

то ли вой. Пока далекие, они тем не менее явственно приближались. От них подкашивались ноги, и холодная жуть вползала в сердце.

Ди Марон искал фонарь или свечи, но потом сообразил, что добыть огня ему все равно не удастся – у него нет ни огнива, ни кресала, ни трута. Выругавшись, поэт начал пробираться вдоль стены к темному входу в кладовую.

Он попал в разделочную – в большой комнате с окошками под самым потолком стоял крепкий запах бойни. Пахло тухлой кровью, жиром, еще чем-то тошнотворным. Поэт в темноте налетел на большой стол, едва не порезал руку об острый нож – на столе лежали инструменты мясника. А еще он нашел то, чего никак не ожидал найти; масляный фонарь, мешочек с трупом и огнивом.

– Хвала Единому! – вздохнул поэт.

Несколько мгновений спустя он пожалел о том, что высек огонь и зажег фонарь. Колеблющееся пламя фонаря осветило каменный пол со стоком для крови и воды к центру, разделочные столы вдоль стен, ящики для мяса, массивную колоду, потемневшую от жира и крови. Над отверстием стока были устроены тали с крюком на железной цепи, а на крюке висело то, что ди Марон сначала принял за половину бараньей туши. Потом он увидел на одном из столов голову, и его сразу вырвало. Хоть и видел он этого человека всего один раз в жизни, но сразу узнал казненного сегодня утром Кебриса-Карта-в-Рукаве.

– Всеблагой Единый! – всхлипнул он, вытирая мокрый рот и дрожа всем телом. – Так вот почему старик не дал мне есть этот суп! Видать, здешний комендант человек экономный. И гурман порядочный, будь он проклят!

Грохот из кухни заставил его забыть о бедняге Кебрисе и том, что от него осталось. Ди Марон схватил одной рукой фонарь, другой большой разделочный нож и бросился к черному ходу. Вой теперь доносился из кухни, кто-то, расшвыривая оловянную посуду и переворачивая горшки и кастрюли, шел в разделочную.

Ди Марон, повторяя, что все это всего лишь кошмар и что всего этого просто не может быть на самом деле, вбежал в крошечную комнатку, всего десять на десять футов и закрыл за собой дверь. У двери было два достоинства – она была снаружи обшита железом и имела крепкий засов. Недостаток был только один – засов был снаружи, а не внутри. Но ди Марон не растерялся; в углу комнатки стоял тяжелый деревянный настил, и поэт немедленно припер им дверь изнутри. Вой внезапно оборвался, и совсем рядом – некто или нечто проникло в разделочную. На несколько мгновений стало тихо, а потом ди Марон услышал звуки, которые меньше всего ожидал услышать – детские крики и смех. И тут поэт наконец-то догадался, что происходит.

– Будь я проклят! – прошептал он, чувствуя, как переворачиваются от страха его внутренности. – Это же лейры! Клянусь своими потрохами, лейры!

Он притушил фонарь, чтобы свет его не выдал, и сел у двери – ноги его не держали. Ну да, конечно, ведь старик так и сказал – Дети Ночи! Только назвал он их на ортландский манер, леритами. Молодой человек знал об этих существах совсем немного, но даже этой малости было бы достаточно, чтобы нагнать ужас на людей, куда более отважных, чем сын Каса ди Марона. Лейрами называли призраков несовершеннолетних детей, умерших от голода или убитых родителями. Говорили, что их плач невыносим для слуха, что они бродят стаями и пожирают всех, кто попадется им на пути. Но откуда, во имя Единого, в Гесперополисе появились эти твари? О них уже сотни лет никто слухом не слыхивал...

Судя по новым звукам из разделочной, твари нашли тело Кебриса. Даже сидя за железной дверью, ди Марон трясся от ужаса – его воображение и доносившиеся до слуха хруст и чавканье живо рисовали ему сцены пиршества лейров. А с другой стороны, если твари насытятся, вряд ли они будут продолжать рыскать по кухне в поисках новой добычи. Запах крови Кебриса наверняка забил его запах, так что...

– Он здесь! – внезапно раздался за дверью звонкий детский голосок. – Он спрятался!

Удар в дверь заставил ди Марона отшатнуться. Он еще не до конца осознал, что происходит, а за дверью уже несколько голосов кричали ему:

– Выходи, мы тебя нашли! Давай по-честному!

Втянув голову в плечи, обливаясь потом и моля Единого о спасении, ди Марон вцепился в тяжелый настил, пытаясь удержать дверь еще и своей тяжестью. Судя по многоголосому вою, который раздался за дверью, лейры были в ярости.

– Играй по-честному! – вопил самый пронзительный голос в этом жутком хоре. – Мы нашли тебя, выходи!

– Хрен вам! – крикнул ди Марон. – Скорее вы собственное дерьмо сожжете!

– Нечестно! – рыдал голосок за дверью. – Нечестно!

– А мне плевать! – ди Марон, как и всякий человек, находящийся в крайнем отчаянии, вдруг почувствовал, что больше никого и ничего не боится. – Проваливайте отсюда, отродье могильное! В аду вам всем место!

Несколько ударов в дверь показали, что лейры обладают нечеловеческой силой, но дверь выдержала. У ди Марона появилась надежда. Уж до утра он как-нибудь продержится, а там его найдут и спасут. Уж лучше сдохнуть на каторге, чем быть сожранным этими гнусными порождениями Тьмы.

– Он хитрый! – сказал голосок за дверью. – Но мы хитрее! Мы его сейчас достанем. Сейчас достанем!

Противно, до ноеты в зубах, заскрежетала железная обшивка двери. Вначале ди Марон не понял, в чем дело, а потом, содрогнувшись, сообразил, что маленькие дьяволы отдирают железные листы от двери. Судя по звукам, они пустили в ход и когти, и зубы. Сорвав железо, они в два счета раскрошат деревянную дверь, и тогда...

Вопя от невыразимого ужаса, поэт начал ковырять ножом стену справа от двери. Фонарь замигал и погас. Но мгновение спустя рука ди Марона с ножом будто прошла сквозь стену. Слабо понимая, что происходит, поэт продолжал кромсать стену, и дыра словно по волшебству становилась все больше. Стена оказалась не каменной, а из самана. Тот, кто строил кухню, посчитал, что стены, выходящие во двор, вовсе не обязательно делать каменными.

Когда дверь, источенная зубами и растасканная по кускам, треснула и раскололась, ди Марон уже выбрался во двор. Ноги у него тряслись от напряжения и страха, но поэт все же за считанные секунды добежал до забора и в мгновение ока перебрался через него в яблоневый сад, росший здесь с незапамятных времен и пощаженный устроителями лагеря. Отсюда, в просветы между яблонями, он увидел южные ворота.

Вой раздавался где-то за его спиной. Собрав последние силы, ди Марон бегом преодолел последние двести пятьдесят или триста локтей, отделявшие его от выхода из лагеря. Лейры уже побывали здесь – в кордегардии горела лампа, но от охраны остались только бесформенные лохмотья, искореженное оружие и кровавые брызги на стенах и заборе периметра. К счастью, твари, покончив с охраной, ушли дальше в лагерь. Ди Марон впервые подумал о том, что происходит сейчас в бараках, и в который раз за эту кошмарную ночь почувствовал, что вот-вот упадет в обморок. Лишь страх перед лейрами заставлял его передвигать ноги, чтобы побыстрее уйти из проклятого места.

Ворота были перед ним – распахнутые настежь, покореженные и покрытые черными липкими пятнами, о происхождении которых ди Марону было даже страшно думать. Когда он выбежал за периметр, радости в его душе не было. Когда же поэт сообразил, куда он попал, покинув уничтоженный призраками лагерь, то снова вернулся ужас – южные ворота выходили прямо на старое кладбище. Луна, освободившаяся от красной вуали, освещала полуразрушенные временем каменные надгробия, зияющие ямы провалившихся могил и ржавые полуповаленные ограды, оплетенные вьюном, плющем и заросшие сорняками. Под кронами гигантских

деревьев, растущих между могилами, стояла такая темень, что ди Марон после недавно пережитого ужаса даже представить себе не мог, что отважится войти в этот сумрак. Оружия у него не было – кухонный нож он обронил где-то в саду, да и вряд ли против лейров сгодились бы такое жалкое оружие. Кстати, не с этого ли кладбища эти твари появились в лагерь строителей?

Внезапно ди Марон подумал о Ферране ди Брае. Интересно, где он, что с ним? Стал ли он точно так же, как и прочие обитатели лагеря, жертвой гнусных упырей, или же сам вместе с лейрами участвовал в бойне? Он вспомнил страшный оскал старика, кровожадный блеск в его глазах – и содрогнулся. Конечно, ди Брай был вместе с лейрами. Потому-то он и не остался с ним, не захотел, чтобы они бежали вдвоем. Сейчас в бараках уже никого не осталось – одни высосанные до последней капли крови и разорванные на куски трупы. И ди Марон вдруг осознал, что, возможно, он единственный из шести тысяч заключенных, кому удалось спастись в эту кошмарную ночь. Во всяком случае, за все это время он не видел больше никого из людей. И дьявол его знает, благодарить ли ему за это ди Брая, или, напротив, его ожидает еще более страшная судьба, чем та, что постигла несчастных каторжников.

Впереди в сумраке под деревьями словно что-то шевельнулось. Ди Марон обмер. Немедленно вернулось чувство опасности, от которого он, казалось, уже избавился. Если лейры были в лагере, то наверняка город просто кишит ими. То, что лунное затмение прекратилось, ничего не значит. Да утра еще долго, значит, могильная нечисть может поджидать его где угодно.

Внезапно ди Марон подумал об отце. Сердце его заболело, съежилось, душа наполнилась холодом. Если лейры захватили город, то никто в Гесперополисе не может сейчас чувствовать себя в безопасности. А это значит, что нужно спешить. Возможно, отец сейчас как никогда нуждается в нем.

Ди Марон больше не думал о призраках. Его больше не пугала тьма под деревьями на кладбище и возможное появление лейров. Следующие четверть часа, озираясь и перебегая от убежища к убежищу, юноша пробирался по улицам ночного Гесперополиса. Улицы были пусты – ни лейров, ни стражи, ни прохожих. Раз или два ему попадались бродячие псы, встречавшие его истошным лаем: на улице Процессий ди Марон натолкнулся на изглоданное тело какого-то несчастного. Небо начало светлеть на востоке, когда он наконец-то оказался у собственного дома. И увидел то, чего больше всего боялся увидеть. Двери особняка были распахнуты настежь, на мраморных плитах холла виднелись следы грязи и крови. Домашней прислуги – старого дворецкого Лардана, двух горничных и поварихи Илланы – в доме не было, и напрасно ди Марон звал их, разыскивал по всему дому, охваченный страшной тревогой. Хотя в первую очередь он, конечно же, искал отца.

В кабинете Каса ди Марона горела бронзовая лампа – отец обычно работал в ее свете. На конторке лежали банковские документы, векселя, долговые расписки и авизо, по паркету были разбросаны еще какие-то бумаги. Ветер, влетая в раскрытое окно, развеивал газовые занавеси. Юноша закрыл глаза – ему очень хотелось снова раскрыть их и увидеть отца, сидящего за конторкой с пером в руке и попивающего горячий пунш, приготовленный старым Ларданом. Но он понимал, что ничего этого не увидит. Проклятые нежити побывали и тут. Его отец мертв, эти твари убили его. От этой мысли хотелось выть, метаться, крушить все вокруг себя. Но ди Марон просто стоял посреди кабинета с закрытыми глазами. Стоял, пока к нему не начало возвращаться чувство реальности.

Ди Брай ничего не сказал ему, куда идти, что делать, если он выберется из лагеря. Значит, он свободен. Он не связан никакими обязательствами, никакими клятвами, никакими законами, потому что он сейчас – всего лишь беглый преступник, которому никакие законы не писаны. Когда Гесперополис очнется от ужаса, который посетил его этой ночью, не исключено, что его сочтут погибшим в ночной резне. Если так, искать его не будут. Оно и к лучшему. Он не сможет получить наследство отца, но отомстить за его гибель сможет. Он найдет того, кто напустил на Гесперополис кровожадную свору лейров. Если то, что рассказал ему ди Брай, –

правда, он рано или поздно сумеет связать вместе все концы и сделать так, что Кас ди Марон будет отомщен. А пока ему надо уходить. Оставаться в мертвом доме небезопасно. Рано или поздно сюда придут, и не надо, чтобы его здесь видели.

Юноша хорошо знал, где у отца хранятся деньги на хозяйство – больших сумм Кас ди Марон у себя в доме не держал. Ди Марон-младший время от времени приворовывал у отца небольшие суммы, а отец делал вид, что этого не замечает. Но сначала молодой человек занялся провизией и одеждой. На кухне он отыскивал головку сыру, половину каравай хлеба, кусок мяса, кое-какую зелень и покидал все это в большую сумку, найденную тут же. Потом он вернулся в свои покои. Оказавшись среди привычной роскоши, ди Марон снова почувствовал болезненную пустоту в сердце и тоску. Он в последний раз находился среди этих вещей, среди всего того, что когда-то было его жизнью. Он медленно переодевался в чистую одежду и спрашивал себя, с чего же ему лучше начать новую жизнь. Подумав немного, поэт открыл ящик комода и вытащил из вороха бумаг футляр, в котором хранил свитки со своими стихами. Здесь были не все его стихи, только самые лучшие. Прочие не стоили того, чтобы брать их с собой.

В ларце, который ди Марон впервые за много лет отпер не своим, сделанным тайно от отца, а собственным отцовским ключом, найденным в кабинете, оказалось не так много денег, как он ожидал. Впрочем, этой суммы хватит на первое время. Вдобавок у него остались галарны, полученные от ди Брая. Не бог весть какие деньги, но в провинции на них можно купить неплохую ферму.

Уже в холле, покидая дом, ди Марон захватил с паноплиа на лестничной площадке один из кинжалов. Это был один из двух кинжалов работы мастера Гарраша, которыми ди Марон-старший очень дорожил – неизвестно, почему. Убивать молодого ди Марона никто не обучал, но кинжал сгодится в дорогу хотя бы для большей уверенности в себе...

Небо совсем посветлело. Набросив на голову капюшон широкого дорожного плаща, Уэр ди Марон покинул родной дом, так и не заперев за собой дверей. С улицы Парфюмеров, где находился их дом, он по темным проулкам добрался до рыночной площади, а отсюда еще до рассвета оказался в западном конце города, недалеко от Новых Императорских ворот. Здесь он впервые увидел живых людей – двух мертвецки пьяных босяков, которые, обнявшись, ковыляли вдоль придорожной канавы, горлая какую-то песню, ни мотива, ни слов которой ди Марон так и не разобрал. Юноша почувствовал злобу; эти два никчемных подонка пережили ночь затмения, а его отец погиб. Но время шло, а он все еще не выбрался из города, и думать о пустяках было некогда.

Он спустился по каменной лестнице и оказался в узком переулке, один конец которого выходил на дорогу, ведущую к воротам, а второй упирался в зловонный тупик. Шум шагов ди Марона спугнул нескольких тощих бродячих собак, завтракавших отбросами. Юноша остановился, его снова охватил страх. Однако оставаться в этом унылом месте он тоже не собирался. Собравшись с духом, поэт шагнул в сумрак под невысокой аркой, и тут перед ним возникла фигура нелепая и зловещая, а главное – странно знакомая ди Марону.

– Давай деньги, проклятый лавочник! – зашипел незнакомец, размахивая молотком на длинной рукоятке. – Гони монету, а то я тебе башку расшибу, клянусь титьками моей мамы!

Еще одна фигура метнулась к ди Марону с другой стороны арки, схватила юношу за руку. Ди Марон рванул из-под плаща кинжал, но в следующий миг замер с открытым ртом. Нападающий тоже встал, его окровавленное и исцарапанное лицо вытянулось от удивления.

– Прах меня покрой! – выпалил он. – Это же наш молодой петушок!

– Ты! – Ди Марон узнал ушастого каторжника, того самого, что назвался Килле-Зайцем. – Живой!

– И ты живой! Балль, ну-ка придержи его.

– Как вам удалось бежать? – спросил ди Марон, пока ушастый освобождал его от пояса с кошельком, сумки с провизией и кинжала.

- Сам не знаю, – Килле посмотрел на поэта. – Расскажи кому, не поверят. А ты как ушел?
- Мне повезло. А старик ди Брай – где он?
- Мы его не видели, – сказал второй каторжник.
- Мы с Баллем спрятались на стройке, – пояснил ушастый. – Залезли в сарай, где стояли бочки с дегтем и смолой, вот нас твари и не учуяли. Остальным хана. Никто не ушел. Весь плац был в крови и в том, что от трупов осталось. А нам и дьявол в помощники! Дождались рассвета и давай тикать! О, где-то бабками хорошими разжился! Кого гробанул, а, малахольный?
- Никого. У себя в доме взял.
- У тебя и дом есть? – Ушастый присвистнул. – А этот дед кем тебе приходился?
- Да так, знакомец просто. Я с ним в корчме познакомился, когда меня приставы арестовали.
- Слушай, Балль, а может, возьмем этого желторотого с собой? – вдруг предложил Килле. – Сдается мне, что петушок этот нам сгодится, если не для работы, то на жаркое. А, ффраерок, пойдешь с нами?
- А у меня есть выбор? – спросил ди Марон.
- Во, умный парень, все понимает! – Килле хохотнул, по-дружески хлопнул поэта по плечу. – Ты не ссы, малахольный, Килле покажет тебе, что такое воровская жизнь! Только одно запомни; у нас закон один – слушать старшего и не понтиться. Нарушишь закон, пожалеешь, что на свет народился. Верно я говорю, Горемыка?
- Ага, – прохрипел Балль. Один глаз у него был мутный, белесый, будто наполненный гноем.
- Сейчас мы пойдем к воротам, – начал Килле, направив острие кинжала в грудь ди Марона. – Стража наверняка сидит в кордегардии, обосранные от страха штаны стирает. Но коли вылезут они до нас, молчи и не дергайся. А то враз с одного удара почку вырежу. Говорить я буду, понял?
- Он понял, Заяц, – сказал Балль.
- Он-то понял. Он дворянчик понятливый. Пошли!
- Один вопрос, Килле, – сказал ди Марон. – Куда мы идем?
- В Венадур, – помолчав, ответил ушастый. – Там сейчас заварушка какая-то идет, не до нас будет. Авось фарт нам подвалит, заживем красиво! Давай, топай, а то до утра не доживешь. Лейры не доели, так я прирежу!

Джел ди Оран едва дождался утра. Ему пришлось провести бессонную ночь – в Красный Чертог непрерывно прибывали курьеры с сообщениями о том неслыханном ужасе, который творится в столице. Ди Оран делал вид, что изумлен и испуган жуткими новостями. Он с тайным удовольствием всматривался в лица полицейских чинов, военных, представителей магистрата, которые так скоро прибыли в Красный Чертог, что канцлер понял – все они рассчитывают отсидеться в императорской резиденции, пока Дети Ночи свирепствуют в бедняцких кварталах Гесперополиса. Возвращенных среди этих людей не было, неудивительно поэтому, что шалости лейров их так пугают! Ди Орана самого пробрал холодок по спине, когда агенты сообщали ему о том, что происходит в ночном городе. Они приходили в малый рабочий кабинет канцлера – здесь был искусно сделанный макет Гесперополиса, и ди Оран мог проследить путь выходцев из Вторых врат. Аина ап-Аннос сделала то, о чем давно ему говорила – отдала лейрам на растерзание те районы города, где селились бедняки. Заречный квартал по донесениям гонцов был просто наводнен нежитью – там к утру мало кто спасся. Та же участь постигла Старый город. Ди Орана огорчило сообщение, полученное ближе к утру, – лейры прошли по стройке императорского святилища. У канцлера не было повода сожалеть о судьбе шести тысяч уголовников, собранных на этой стройке, но он представил себе, в каком гневе будет Шендрегон, когда узнает, что стройку храма в его честь теперь придется надолго заморозить.

Богатая часть города пострадала от шалостей лейров куда меньше: видимо, Аина крепко держала их на магическом поводке. Здесь были единичные случаи нападения, и все пострадавшие были теми, кого Аина считала подозрительными и случайными людьми в окружении императора. Ди Оран вслух сокрушался, узнавая о гибели того или иного знатного вельможи, а в душе понимал, что так или иначе эти люди были обречены. С исполнением пророчеств и открытием всех семи ворот безмолвия эти люди все равно погибли бы. Аина знала, что делала.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.